

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА КРОЛЕВЕЦКОЙ
РАЙОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
СУМСКОЙ ОБЛАСТИ

УКРАИНА

Кролевецкий районный краеведческий музей

ББК - 63.3(4 Рyc) 722.11
С 32

Сереженко М.И. Война. Записки солдата / Отдел культуры Кролевецкой районной государственной администрации Сумской области, Украина; Кролевецкий районный краеведческий музей; Составители: А.В. Карась, Е.М. Сереженко. – Кролевец, 2010. – 76 с.

М.И. Сереженко

ВОЙНА

ЗАПИСКИ СОЛДАТА



Кролевец

2010

Мемуары известного краеведа М.И. Сереженка (1917-1989) долгие годы не могли быть изданы. Автор писал для своих потомков без малейшей надежды на их публикацию.

Описываемые события показывают правдивые будни войны.

**Тираж книги осуществлён благодаря помощи
Героя Российской Федерации
Николая Александровича Макаровца**



Я искренне рад, что имею возможность написать несколько слов о своем учителе Михаиле Игнатьевиче Сереженко - авторе этой книги. В определенной степени это мой долг подчеркнуть уважение к памяти талантливого педагога, историка и гражданина большой страны, ушедшего без раздумий добровольцем на фронт защищать Родину.

Его уроки всегда сопровождались яркими примерами исторической хроники Великой Отечественной войны.

В 1954 и 1955 годах мы с друзьями под его руководством выезжали на раскопки по Кролевецкому району, находили что-то интересное. Я видел, как ему было тяжело с раной на ноге, как ночью во время ночевок ему было нестерпимо больно, но он не показывал вида.

Рассставшись с Михаилом Игнатьевичем по окончании Кролевецкой школы № 1 в 1956 году, я многие годы поддерживал с ним теплые отношения. Был свидетелем его усилий по организации в г. Кролевце музея. В кратких его письмах ко мне и при встречах во время отпусков он делился со мной своими планами по изучению истории г. Кролевца, а особенно людей, творивших эту историю.

Безусловно, Михаил Игнатьевич относится к лучшим педагогам г. Кролевца. Он оставил большое историческое наследие.

Издание этой книги о войне, написанной глазами юного солдата - это хорошая память об этом талантливом педагоге-историке, настоящем герое войны.

Николай Макаровец
Герой Российской Федерации,
Лауреат Ленинской и Государственной премий,
доктор технических наук, профессор,
выпускник Кролевецкой
школы № 1 1956 года

ЖИЗНЬ СОЛДАТА (от составителей)

Одним из правдивых документов истории является мемуарная литература. Свидетельства о войне редки и бесценны. Часто правдивые мемуары пылятся в шкатулке письменного стола и доступные для чтения только близким родственникам.

Автор этих мемуаров, Сереженко Михаил Игнатьевич – солдат Великой Отечественной войны, инвалид третьей группы. Получил ранения, защищая свою Родину, идя на это добровольцем, без принуждения и призыва.

Родился М.И. Сереженко на Украине, в г. Кропивницкий Сумской области, в семье служащего.

В 1936 г. закончил Кропивницкую среднюю школу №1. Трудовую деятельность начал осенью 1936 г. учителем Реутинской школы Кропивницкого района.

С 1938 по 1941 годы - студент Московского педагогического института. Будучи студентом исторического факультета, он возглавлял президиум научно-студенческого кружка кафедры истории СССР, работал заместителем редактора институтской стенной газеты "Призыв", возглавлял профком МПИ.

Во время учёбы Михаил Игнатьевич Сереженко активно работал в научном студенческом кружке. В будущем юноше представлялась перспектива научно-исследовательской работы.

Начинал воевать добровольцем при обороне Москвы. Когда враг был отброшен от столицы, дивизия была переименована в 130 стрелковую дивизию и направлена на Северо-Западный фронт, где в районе Молотова 21 февраля 1942 г. вступила в жестокие бои с немецкими войсками.

21 февраля 1942 г. М.И. Сереженко в бою около с. Павловы был тяжело ранен. Только в начале марта, когда раны уже начинали гноиться, солдат чудом попал в медсанбат. Лечился в г. Москве, затем в Павлове, на Оке, Горьковской области. После лечения в августе 1942 г. был направлен в училище связи в г. Муром, где



Сереженко Михаил Игнатьевич,
1980-е годы

учился по май 1943 г. В связи с формированием военно-десантных подразделений, большинство курсантов училища были срочно направлены в военно-десантные бригады. В Муромском училище Сереженко М.И. был принят кандидатом в члены КПСС, кандидатскую карточку получил в 18-й гвардейской военно-десантной бригаде. В августе был отчислен из военно-воздушных войск по состоянию здоровья и направлен в 52-ю гвардейскую горно-стрелковую Краснознаменную им. Ворошилова дивизию. По воле случая попал в ту же дивизию, в которой начинал воевать (3-я Московская коммунистическая, потом 130-я СД была переименована в 53-ю гвардейскую). В то время эта дивизия наступала на юг Сумской и север Харьковской областей.

Третьего сентября 1943 г., в бою около с. Любовка Краснокутского района Харьковской области, молодой солдат снова получил тяжелое ранение. На лечение попал в г. Иваново.

Был пулеметчиком, начальником радиостанции. Воевал на Северо-Западном фронте под Ленинградом, на Курской дуге, на Харьковщине в составе 1-го Украинского фронта.

В середине марта 1944 г. прошел медицинскую комиссию, был признан непригодным к воинской службе и демобилизован по инвалидности. Долгое время раны не давали покоя. Только уже после войны, во время лечения в Киеве, после удаления части кости, удалось спасти ногу.

За боевые заслуги был награжден орденом Славы III степени, медалями.

В марте 1944 г. демобилизованный солдат возвратился в родной Кропивницкий, где стал работать заместителем директора по учебной части Кропивницкой школы № 2, потом – в Кропивницком техникуме художественного ткачества.

С 1945 по 1946 годы – ответственный секретарь редакции Кропивницкой районной газеты "Колхозное село".

Дальнейшая жизнь фронтовика была посвящена педагогической деятельности.

С 1950 по 1973 годы - директор Кропивницкой средней школы №1.

В 1973 г. вышел на заслуженный отдых.

Свыше четверти столетия ветеран педагогического труда был ведущим краеведом Кропивниччины, инициатором создания Кропивницкого краеведческого музея, в который передал накопленные им исторические материалы.

Михаил Игнатьевич был энергичным, справедливым человеком. Любил историю, много внимания уделял охране достопримечательностей родного края, был большим книголюбом, много читал, разыскивал документы, встречался с людьми, записывал воспоминания очевидцев, вел собственный дневник.

Начиная с 1944 г., им опубликовано около двухсот статей краеведческой тематики.

Краевед - один из авторов многотомного издания "История городов и сел Украинской ССР".

Краеведческое наследие Михаила Игнатьевича еще полностью не изучено и не опубликовано, оно требует дальнейшего исследования.

А.В. Карась
Е.М. Сереженко

ВОЙНА ЗАПИСКИ СОЛДАТА

1

Доцент Б.А. Рыбаков поручил мне подобрать состав студенческой группы археологической экспедиции, которая летом 1941 года должна была продолжать раскопки древнерусского города Вещих.

Его выбор на мне остановился не случайно. Я был председателем президиума научного студенческого кружка кафедры истории СССР Московского областного педагогического института, участником вещижской археологической экспедиции 1940 года. Раскопки намечалось продолжить в Вещиже в июле 1941 года. В основной группе студентов была мной уже подобрана. Мы спешили выиграть несколько дней и просили отдельные экзамены у нас принять досрочно.

Экзамен по истории гражданской войны в СССР был назначен на воскресенье, 22 июня 1941 года. Как и всегда, у каждого из нас не все было готово к экзамену. Оставались пробелы в знаниях по отдельным темам.

Утром, в начале седьмого, мы поехали в свой институт. Трамвайная остановка «Лепин переулок», а там несколько шагов пешком. Вот и Подсоснянский, 20. Громадное четырехэтажное здание на углу переулка, окрашенное в цвет русского классицизма – желтый и белый. Швейцара еще нет, но входная дверь открыта. Подымаемся на несколько ступенек, сворачиваем в коридор направо. Саша Трусов, мой однокурсник, технический секретарь парткома, своим ключом открывает дверь парткома. Сегодня выходной, никого из начальства не будет. Можно в спокойной обстановке часа три почитать конспекты и к 10 часам отправиться на свой третий этаж на экзамены. Нас четверо: Яша Зотов-комсорг нашего исторического факультета, Саша Трусов, Коля Надоров и я. Денис Костюк и Андрей Салов еще остались досыпать. На высокие оценки они не претендуют, а на «тройку» как-то вытянут.

Саша раздвинул темные шторы на окнах. Яркий свет залил комнату парткома.

- Ребята, Николай Иванович почему-то здесь.

На стуле лежали скромный плащ и шляпа Николая Ивановича Ананьева, секретаря парткома.

- Пойду, поищу его. А вы оставайтесь здесь.

Через несколько минут Саша возвратился.

- В кабинете директора сидят вдвоем с директором, о чем-то говорят. Обождем его.

Ждать пришлось недолго. Широко распахнув дверь, Ананьев быстро вошел в комнату парткома. Среднего роста, коренастый, широкий в кости, с крупной головой, Николай Иванович Ананьев, несмотря на медлительность в движении и речи, был энергичным руководителем, хорошим организатором. В 1940 году он похоронил жену - бывшую подругу, с которой партизанил в Сибири. Похороны в Москве дело сложное. По собственной инициативе нам пришлось взять на себя ряд забот по организации похорон. С тех пор у нас установились хорошие отношения с секретарем парткома. Ему было под пятьдесят лет, детей не было. Как-то он тянулся к нам, а мы к нему. Из его рассказов мы знали, что он сибиряк, партизан, участник Волочаевских боев, старый коммунист. В Москве давно на партийной работе. Когда в декабре 1937 года в Большом театре впервые перед избирателями выступал Сталин, председательствовать, вести собрание МК ВКП(б) поручили Ананьеву.

- Вызвал меня Никита Сергеевич Хрущев, - вспоминал он и спросил:

- Ну как, Николай Иванович, не испугаешься?

- Большевики большевиков не бояться, - ответил он.

Об Ананьеве мы знали многое, а о нас он знал все.

- Что случилось, Николай Иванович? Почему вы здесь?

- А вам говорить можно? Не будете болтать? Сегодня в 4 часа утра фашистская Германия напала на Советский Союз. Немцы без объявления войны бомбили Киев, Минск, Севастополь, Ригу, Вильнюс, - и он назвал ряд городов, - в 5 часов утра посол Германии Шумибург приехал к Молотову и заявил, что Германия находится в состоянии войны с нашей Родиной. Сейчас идет заседание Политбюро. В 11 часов по радио в обращении к советскому народу выступит Молотов. Ну, пока молчок. Ясно? – и он ушел.

А нам было ничего не ясно. Правда, последние дни в наш институт зачастали военные, ходили по институту, заглядывали в каждую щель, о чем-то толковали с директором. Но мы на это не обращали внимания. Да и сообщение Ананьева мы приняли спокойно, с некоторым интересом. До нас «не дошел» смысл случившегося. Однако мы были взволнованы. Сидеть над конспектами ни у кого не было желания. А что будет, то будет. Кто-то из нас предложил пройтись по Москве. Мы пошли.

Ярко и тепло светило солнце. Веяло свежестью и приятной прохладой от только что политого асфальта. Куда-то спешили москвичи.

Мы прошлись по Покровскому бульвару, постояли у казарм. За железными казарменными воротами все было спокойно. Свернули на Маросейку, дошли до Политехнического музея, внимательно осмотрели покалеченный памятник героям Пивны, посмотрели на темно-серое здание ЦК ВКП (б). Все тихо, спокойно. По площади Ногина свернули вниз на Сомянку. Там был приличный книжный магазин. Он уже работал. Я не мог не зайти. Среди новинок был первый том вузовского учебника истории средних веков. Продавщица, молоденькая девушка, сообщила, что днями должен поступить в продажу и второй том того же учебника. Я купил учебник, и по совету продавщицы, тут же купил открытку -репродукцию картины Серова В.А. «Баба с лошадью», написал на ней свой адрес, отдал продавщице. Это значило, что получив по почте эту же открытку, я должен поспешить в книжный магазин на Сомянке и, по предъявлению открытки, выкупить второй том.

Мы возвратились в институт, когда экзамен шел. У дверей первой слева от актового зала аудитории толпились наши однокурсники. Вышедшего с экзамена студента окружали плотной гурьбой, спрашивали экзаменационные вопросы, настроение профессора. А мы ждали одиннадцати часов. Стрелки электрических часов двигались очень медленно. Дошли до одиннадцати – ничего. Четверть двенадцатого – ничего. По московской трансляционной сети шла обычная воскресная радиопрограмма. Половина двенадцатого – ничего! Что же это? Николай Иванович подшутил над нами? На такую шутку он не пойдет. А часовые стрелки двигались слишком медленно.

Мы пошли сдавать экзамен. Спецкурс по истории гражданской войны в СССР у нас читал старый профессор Алексей Исаевич Гуковский. В свое время совместно с Трахтенбергом он написал печально известный



Сереженко Михаил Игнатьевич, 1946г.

школьный учебник по истории феодализма, раскритикованый Сталиным, Кировым и Ждановым. После критики долго молчал. Трахтенберг переключился на историю философии, а Гуковский на советский период истории СССР.

В середине 30-х годов Гуковский издал довольно тенденциозную брошюру «Ликвидация Пермской катастрофы». Попал в торт. Начал снова выдвигаться, был включен в состав редакционной коллегии «Военно-исторического журнала», в 36-61 томе энциклопедического словаря была опубликована его большая статья по истории гражданской войны в СССР, в сущности единственный дозволенный в те годы материал по гражданской войне. Правда, широко рекламировался 1 том «Истории гражданской войны», подготовленный И. Минцем, но он освещал только дооктябрьские события. Нам говорили, что Гуковский и Минц не в ладах между собой.

Экзамен у нас был по спецкурсу и принимал его А.И. Гуковский.

Я смело направился к столу экзаменатора. Профессор посмотрел на меня поверх очков.

- Ну что же вам дать? Возьмите историю гражданской войны в Финляндии.

Вопрос был не легкий. Надо было выкручиваться. Я долго и мучительно вспоминал, но вспомнил мало. С тяжелым предчувствием тройки или четверки, которые меня никак не устраивали, а главное чувством стыда за недостаточную подготовку, я сел перед профессором и начал отвечать. Неожиданно урывчато сильно тревожно зазвенел электрозвонок, А.И. Гуковский вздрогнул.

- Что случилось? Зачем звонок? - спросил он у меня. Для меня все было ясно. Николай Иванович говорил правду.

- Приглашают на митинг в Большой зал, немедленно. Очень важно, - громко говорил кто-то, приоткрыв дверь в нашу аудиторию.

- Что случилось? - снова спросил у меня профессор. Я решился сообщить ему то, что знал:

- Германия объявила войну...

- Не может быть! Пошли на митинг!

Мы с трудом просунулись в наш институтский Большой зал. Несмотря на воскресный день, зал был переполнен, все места заняты. Студенты и преподаватели теснились в проходах. Митинг уже шел. Мы зашли, когда выступал последний оратор, доцент Ф.Х. Власов. Я плохо помню, о чем говорил он. Я был слишком взволнован, да и пишу через сорок четыре года после митинга.

Митинг быстро окончился. Мы возвратились в свою аудиторию. Я снова сел за экзаменационный стол напротив профессора. Алексей Иванович был подавлен. Я начал отвечать. Он остановил меня.

- Вы были правы, товарищ Сереженко. Давайте вашу зачетку.

Я подал, он вывел жирное «ОТЛ». Я поднялся и медленно пошел к двери. Незаслуженная пятерка мало радовала.

К несчастью в споре с профессором Гуковским я оказался прав. Для курсовой работы я себе избрал тему «Разгром немецкой оккупации в 1918 году на Украине». Профессор упорно отговаривал меня не брать этой темы, ссылаясь на ее неактуальность. Но я упрямо отстаивал только ее. Теперь эта тема становилась ультраактуальной. Об этом и сказал он мне на экзамене.

После экзамена никто из нас не спешил домой, в институтское общежитие в третьем Перевезеновском переулке. Снова собирались в парткоме. Николая Ивановича нет. Саша Трусов копался в каких-то бумагах. Обсуждаем события. Кто-то из нас сожалеет, что началась война, срываются наши планы. Впереди каникулы. Последние летние каникулы, а за ними последний четвертый курс. На эти каникулы у меня широкие планы: июль - археологическая экспедиция Б.А. Рыбакова, август – научные командировки в Ленинград и Киев, работа в архивах над темой «Крестьянское восстание 60-х годов XVIII века на Украине». А теперь все летит. Товарищи меня утешают: «Чепуха. Война скоро окончится. Будет так же, как на озере Хасан или на Холгин-Голе, в крайнем случае, как на Карельском перешейке. Несколько дней или месяцев. Опыт разгрома противника у нас уже есть». Я вполне согласился с ними. Пройдет несколько дней, все успокоится. Мне очень хочется снова во Вцзж, на берега тихой Десны, в дремучие Брянские леса.

Догорает день.

Пешком отправляемся в общежитие.

2.

Сообщения с фронта плохие. Фашисты жмут. Наши части отходят с боями. Война малой кровью не получается. Москва переполнена разными печальными слухами. Тревожно. На улицах Москвы военные патрули. У витрин магазинов мешки с песком, кирпичом закладываются окна подвальных помещений. У призывных пунктов очереди, толпы, слезы, крик, прощания.

Комсомольская мобилизация. Мы получили распоряжение с личными вещами явиться к 12 ч. дня в Красногвардейский райком комсомола города Москвы. Товарищи ушли несколькими минутами раньше. Я нервничаю – опаздываю. Весь мокрый от пота, прибываю в райком. Нет, еще все тут. С райкома отправляемся на Киевский вокзал. Грузимся в товарные вагоны. Мы, однокурсники, держимся вместе, к нам тянутся студенты младших курсов истфака. В эшелоне только парни. По комсомольской мобилизации уезжают только парни. Смех, шутки. Настроение бодрое.

Долго, страшно долго тянетсѧ время. Наконец двинулись. Проехали несколько километров и долго стоим – пропускаем воинские эшелоны. Только на третий или четвертый день пути прибываем на станцию Сухиничи. Пути забиты составами. На платформах военная техника, вагоны переполнены солдатами. С шумом, гамом выскакиваем из вагонов, рассыпаемся по путям. Если стали, значить стоять будем долго.

На платформе и возле ее стоит небольшая группа красноармейцев. Им что-то рассказывает молодой командир с двумя кубиками на петлицах и красной звездой на рукаве. Подходим ближе. Интересно послушать. Вот уже четыре дня мы не имеем никакой информации о событиях на фронте. Далеко ли наши войска отбросили немцев? Младший политрук не обращает на нас никакого внимания. Он увлеченно передает бойцам содержание выступления по радио председателя Государственного Комитета Обороны Сталина, которое он послушал сегодня в 6 часов утра. Говорит очень подробно, время от времени заглядывая в маленький блокнотик, который он держит в правой руке. У нашего политрука отличная память. Значительно позже, изучая речь Сталина, я убедился, что политрук излагал ее почти дословно. Суровые, угрюмые лица бойцов. В глазах глубокое раздумье. В речи Генсека ЦК мало утешительного, мало приятного. Надо отрешаться от настроения мирного времени, впереди напряженная борьба. А нам все не верится, нам кажется, что все это какое-то бутафорное, не настоящее...

Из Сухиничей наш состав сворачивает на запад. Дорогу на Киев я знал до каждого полустанка, но это не она. Незнакомые наименования станций и разъездов. Проехали станцию Киров. Едем по направлению на Рославль. Случайные разговоры на остановках – под Смоленском и Рославлем идут жестокие бои.

Маленькая станция или разъезд Снопоть. Где-то по близости протекает речка Снопоть, правый приток Десны. Поступает команда выгрузка. С радостным шумом выпрыгиваем из вагонов. Далеко

видны маленькие домики полустанка. Селения не вижу. Кругом поля, чахлый березовый лесок. Молодые тоненькие березки шуршат запыленной листвой. Передают распоряжение: большими группами не собираясь, немедленно укрыться в рощу. Сидеть в роще и ждать. А вообще - полная неразбериха. Никто ничего не знает, никакого порядка.

Палит летнее солнце. На небе ни тучки. Хочется пить. Воды нет. Странная новость: во всех окрестностях вода в колодцах отравлена. Где-то по близости поймали диверсантов. Настроение тревожное.

На следующий день немножко проясняется. Мы рабочая сила по устройству оборонных сооружений, строительство которых поручено органам парткома внутренних дел, какому-то спецстройуправлению. Обычно в спецстрое работали заключенные. Теперь несколько тысяч нас, московских студентов, парней. Девушек совсем нет. Нас разбивают на бригады, но здесь они именуются взводами. Вздохи кому подчинялись, для нас было не совсем ясно, а то, что начальство не видело большой разницы между нами и заключенными, было более, чем ясно.

Нас строго предупредили: никакого общения с местным населением, никаких отлучек, письма сдавать только в спецстрой и категорически запрещено писать, где мы, чем занимаемся, как живем. Наш обратный адрес Москва, почтовый ящик и номер уже не помню какой. Как позже выяснилось, никто из нашей группы не получил ни одного письма и никто из наших знакомых, а у ребят родных, не получил от нас ни одного письма, а мы писали. Вероятно, наши письма просто не отсыпались, а наши знакомые не имели нашего адреса. Ряд мелочей портили нам настроение. Мы, воспитанные на принципах гуманности советской педагогики, очень болезненно переживали грубые, часто необдуманные приказы начальства.

Нас ожидают земляные работы – устройство эскарпов – крупных обрывистых скатов под углом не менее 45 градусов, а то и 60-75 градусов к подошве, которые не смогли бы преодолеть фашистские танки, копание противотанковых рвов. Основной наш инструмент – обыкновенные лопаты. Приготовленные они для нас самым безобразным образом. Лопаты новые, только что со складов, еще со следами складской смазки. Тупые до невозможности. Рукоятки на лопатах никудышные. Черенки ломаются очень часто, лопаты выбрасываются вон. Зато мозоли у каждого. Кажется, не надо большого ума, чтобы поставить несколько человек на нормальную подготовку рабочего инструмента. Как бы повысилась производительность труда! Но этого не сделано. Без

привычки страшно устаем, калечим руки, а результаты труда незначительны.

Несколько дней подряд идет дождь. Земля раскисла. Копать невозможно. На лопату налипает пуд грязи. Бросишь комок, он летит обратно.

- Работать! Фашисты на дождь не обращают внимания, наступают. Копать! Копать!, - покрывает начальство, зло и грубо.

Мы понимаем: необходимо работать, но сил не хватает. Сковывает мышцы мокрая одежда, скользят в грязи ноги. А вечером негде посушить одежду и обувь. Несмотря на трудности, отвратительные жилищные условия, настроение бодрое. Не умолкают смех, шутки.

Эскарпируем правый берег Десны. От нас требуется бережно вынуть грунт и уложить его на береге, тем самым сделать берег выше и круче, дать такую крутизну, чтобы фашистские танки не смогли преодолеть ее. Ни в коем случае не бросать землю в реку. Часть ребят таки сбрасывают землю в воду. Тут уже мы ругаемся с ними сами. Наконец и до них «доходит». Работа идет нормально.

Светит яркое июльское солнце. Нагло в небе над нами висит немецкий самолет «Фоке-Вульф». Висит долго, неподвижно. Не обращаем никакого внимания. Пусть себе висит. Время подвигается к полудню. Жарко. Снимаем верхнюю одежду. Бронзой блестят мокрые от пота спины. Кто-то кричит: «Воздух!».

Вдоль реки идет звено самолетов. Судя по контурам - немецкие. Самолеты резко снижаются, ясно видны на крыльях черные кресты.

- Воздух! В укрытия!

В какие укрытия? На несколько километров чистый желтенький песочек. До ближайшего леска минут десять ходу.

- Ложись!

Ложимся на песок, кое-кто накрывает голову лопатой. Самолеты идут вдоль реки и строчат из пулеметов. Бьют на выбор. А ты лежишь на голом песке и мучительно думаешь, пронесет или нет.

Пронесло! Но самолеты разворачиваются, делают другой заход, потом третий. Свистят пули, вздымаются тучки пыли. Медленно, страшно медленно тянется время. Откуда-то появляется страшная злость на свою беспомощность: тебя расстреливают, а ты бессилен, не можешь обороняться, протестовать.

Самолеты скрылись за горизонт: вероятно, окончился боезапас. Встаем, отряхаемся. Настроение, какое-то непонятное: все молчат,

неохотно берутся за лопаты, медленно, медленно начинают копать. Это наше первое знакомство с немецкой авиацией, впервые мы под огнем.

Есть жертвы: убитые и раненые. Но с нашей группы, группы студентов МОПИ, все благополучно. Сегодня 11 июля. Откуда нам знать, что вчера началась смоленская битва. Нам сообщают только сводки Совинформбюро и то не регулярно. В сводках перечисляются оставленные нашими частями города и населенные пункты. А где они, эти города? Карт нет, газет нет. Политинформаций, бесед с нами никто не проводит. Живем в блаженном неведомии.

Работа трудная, нормы высокие. Каждая группа рвалась выполнить и перевыполнить норму. Начались неприятности. От сильного рывка сначала чувствовалась боль между лопatkами, а потом начались такие боли, что ребята не могли работать. Медицинской помощи никакой. Сами установили диагноз: растяжение связок. Дня три-четыре товарищ не мог работать, а потом снова брался за лопату, но был уже осторожен.

Донимали немецкие самолеты. После первого обстрела они начали налетать на нас почти ежедневно. Пришло увидеть, что такое страх. Эскарпировали берег реки. Тихо, спокойно, хорошая солнечная погода. Виктор Сочнев, московский юноша, бросил лопату и потрусили в ближайший лес, сначала быстрым шагом, а потом бегом. Только он скрылся в лесу, команда: «Воздух!». Немецкие самолеты обстреливают нас. Делают несколько заходов. Сочнева все нет. Он появился тогда, когда самолеты исчезли. Виктор до ужаса боялся самолетов. В его поведении было что-то мистическое – самолеты он чувствовал каким-то шестым чувством, предупреждая их налет за 5-7 минут. Нас он убеждал, что слышит, как они летят.

Потерял у нас уважение Николай Ерошкин. Мы жили в сарайах. На копку противотанковых рвов ездили повздовно грузовыми машинами. Почти ежедневно на наши машины пикировали немецкие самолеты. При возгласе: «Воздух!» машина останавливалась, а мы вылетали кубарем из кузова и врассыпную бежали в высокую рожь и там залегали. При очередном налете после команды «Отбой» мы долго ожидали Ерошкина. Спасаясь от самолета, он на ходу где-то во ржи потерял ботинок. Ботинки у него были зашнурованы не шнурками, а ушивальниками, такими ремнями из сырой кожи. Или расшнуровался ботинок, или порвался ушивальник, но ботинок с ноги он потерял. Нашли под нашей машиной с разорванными новыми ушивальниками. Как он их порвал, уму не постижимо. Правда, у страха сила велика.

Вторично при налете Николай потерял очки. Без очков он совершенно беспомощный. Оставили его искать, сами поехали на работу. Вечером, возвращаясь домой, подобрали его на том же месте. Очki он таки нашел.

Нас возмущал Володя Хренов. Парень он был хороший, но страшный трус. В страхе он не помнил себя, не знал, что делал, не мог вспомнить, что было с ним во время налета. Как-то на завтрак нам опоздали выдать сливочное масло. Выдали его после завтрака. Решили сразу не делить, а взять с собой и разделить при обеде на месте работы, куда нам вывозили обед. Масло получили в большом эмалированном тазу. Поручили его сохранять и потом поделить Володе Хренову. Поехали на работу. По дороге нас атаковал «Мессе Шмидт». Я замедлился выпрыгнуть из машины и, поневоле, наблюдал за поведением Хренова. При крике наблюдателя: «Воздух!», Володя, державший таз с маслом на коленях, вскочил и с растерянным видом, ища, куда поставить таз, потом молниеносно перевернул таз, надел его на голову, сидевшему у борта кузова студенту Ханою, уперся в края таза руками и нырнул головой вниз через борт в кучу придорожной пыли. После отбоя мы наблюдали странную картину: Ханой так с машины не вылезал. Он сидел среди кузова, держал таз между коленями, двумя руками соскребал с головы масло и складывал его в таз. Масло было грязное, смешанное с пылью и соломой, глаза у Ханоя заплыли, вид у него был жалкий и комичный. Мы громко хохотали. Масла, понятно, никто из нас не ел в тот день.

Что отдельные студенты боялись, теряли голову, не было ничего удивительного. Все мы были молодой, не видавший тяжести народ. Я был очень неприятно поражен другим. Еще до первого обстрела нас самолетами, мне по делам нашей группы пришлось зайти в управление спецстроя. Оно помещалось в деревне в большой светлой классной комнате, сплошь уставленной столами. В центре стоял большой солидный стол начальника управления, генерала Иванова. Его называли генералом, но я никогда не видел его в военной форме. Громадный, тучный мужчина, он всегда носил штатский костюм. Видеть его нам приходилось очень редко, но в тот день он был в управлении, которое у нас называлось штабом.

Не успел я переступить порог штаба, как кто-то крикнул: «Самолеты!». Все бросились к окнам. Высоко в небе шло два самолета. Хорошо были заметны черные кресты на крыльях. Самолеты пошли своим курсом. Мы оторвались от окон и увидели генерала Иванова, вылезавшим из под стола. Лицо его было красное, покрытое большими каплями пота. Он во много лучше от нас знал, что представляют

немецкие самолеты, но крышка письменного стола не очень надежное укрытие от вражеской пули или осколка.

Сводки Совинформбюро с каждым днем все хуже, все тревожнее. Фронт неотвратимо приближался. Вечером, рано утром приносил грохот далекой канонады.

В два часа ночи подъем по тревоге. Берем свои вещи, вытаскиваем во двор. Ночь темная, ничего не видно. Шепотом передают слух: немцы близко, надо уходить. Куда? Секрет, воинская тайна. Строимся, как попало, быстро выходим за ворота, гурьбой идем проселочной дорогой. Спецстроевское начальство подгоняет: «Быстрей, быстрей! Тише, отставить разговоры!».

Молча, бредем по дорожной пыли, спотыкаемся. Идем час, два, три. Рассвет, утро. Идем. Поднялось солнце. Нестерпимо палит. Мы серые от пыли, усталые, едва передвигаем ноги. Кружим по проселкам. По нашим подсчетам мы за 12 часов беспрерывного пути, без отдыха, прошли самое малое километров 50. Наконец кто-то из студентов обращается к старушке, в какой-то попутной деревеньке с вопросом, сколько до деревни из которой мы вышли. Мы поражены ответом – всего семь верст. Только семь верст – полтора часа ходу, а мы идем больше двенадцати часов.

С криками, угрозами обступаем начальника нашей колоны.

Куда ведешь? К немцам? Почему крутимся по проселкам?

Он отругивается, но конечный пункт нашего маршрута не сообщает. Что-то расспрашивает у местных жителей и решительно командует: «Вперед!». С целью сохранения «военной тайны» он решил вести по карте, но безнадежно запутался и, теперь, расспросив местное население, наконец, установил маршрут. Идем. Колонна растянулась на много километров. Многие, обессиленные уморительным маршем, приседают к придорожным кустам, там же ложатся. Наши ряды заметно тают.

На ночь располагаемся в какой-то деревне. Наконец нам стало известно, что идем в районный центр Екимовичи. Расспрашиваем у старика, хозяина сарая, где мы остановились ночевать, далеко ли до Екимовичей. Не так уж и далеко. Если большаком – километров пятьдесят с гаком, а если переплыть Десну, пройти лужок, выйти на проселок, то прямо не более пятнадцати. Не спешим приставать к колоне, которая ушла большаком. Тихонько сворачиваем по реке. Вода холодная, дрожит тепло. Вброд не перейдешь, переплыvаем. Стучим зубами от холода. По колени намокли в росе, перешли луг. Мы на проселке. Нас

только трое: Яша Зотов, Коля Надоров и я. Идем, устало передвигая ноги. Сегодня идти намного труднее, чем вчера. Во второй половине дня приходим в Екимовичи. Ох, эти пятнадцать километров. Слишком длинными показались они нам.

Часть нашей колонны уже была в Екимовичах. Стояла очередь, длинноющая очередь на прием к местному фельдшеру, который во дворе скрывал неудачным путешественникам водянки на ногах.

Снова земляные окопы. Копаем противотанковые рвы. Смоленская глина. В жизни я не встречал подобных. Колодцы строят без срубов. Выкапывают глубокую яму, докапываются до воды. Сверху сооружают наземную часть. Так и стоит колодец десятилетиями, не обрушаясь. Делаем попытку копать ров. Лопата под сильным натиском ноги углубляется на полсантиметра. Выбрасываем несколько грамм глины. Со всей силы ударяешь лезвием лопаты. Результат тот же. Берем ломы, долбим. Отбиваем кубический сантиметр. За день с трудом выдолбываешь лунку, чтобы вместилась толовая шашка. Будут рвать, а мы потом будем зачищать. Проходит несколько дней. Рвать не спешат или нет подрывников. Долбим лунки.

Обед опаздывает. Все изрядно проголодались и с нетерпением поглядывают в ту сторону, откуда лошадьми привозят обед солдатские кухни.

Наконец долгожданный обед. Получаем первое, усаживаемся на траву. И вдруг команда:

- Вылить обед. Немедленно по машинах!

На наших глазах выливают на землю суп, выбрасывают из котлов гречневую кашу. Крики возмущения, протesta. Неумолимая команда: «По машинам!».

Мы продолжаем доедать суп. К нам подходит шофер.

- Ребята, ребята, - его голос дрожит, он встревожен, - ребята, бросайте все и в машину. Пропадете все и я вместе с вами. Начинаем понимать: что-то серьезное.

- Быстрее, быстрее, ребята! - торопит он нас. Его тревога, в какой-то мере передается нам. Быстро лазим в кузов. Машина рванула с места. Нет, не двинулась, не поехала, а рванула со всей скоростью, на которую способна слабосильная полуторка. Шофер не придерживается дороги. Ведет машину по целине прямо на восток. Машина летит, как птица. Мы как мячи катаемся по кузову, отчаянно ругаемся, призываем все беды на голову шофера. Добравшись до борта, каждый хочет уцепиться в него, чтобы иметь опору. А машина на большой скорости то так резко



спускается вниз, что мы боимся, чтобы не вылететь вперед через кабину, то подымается по таких круто склонах, что ложимся, чтобы не вылететь через задний борт. Каюсь: никогда не думал, не представлял способностей нашей незавидной полуторки. Бешеная хода продолжается несколько часов. Наконец мы на дороге. Шофер останавливает машину, вылезает из кабины. Вид у него страшный: он мокрый, хоть выкручивай, русые волосы торчат мокрыми пасмами, по лицу текут потоки грязи, глаза красные.

- Ну, слава богу, выскочили. Вы видели, как справа нас обходили немецкие танки? - обращается он к нам. Ничего мы не видели.

Позже узнали: кольцо окружения замыкалось. Мы еле успели выскочить. А какова судьба остальных товарищей?

Мы в Спас-Демянском районе. Но нас уже далеко не столько, сколько было в начале. Или ребята из других институтов переброшены на другие участки, или...?

У нас появился постоянный начальник комбат Семенов. Он московский архитектор, в сущности, прораб, но его мы громко величаем комбат. В некоторых вопросах ведения документации мне приходится помогать ему. Часто ведем простой человеческий разговор. Производят впечатление душевного человека. Очень чистоплотный. Никогда не видел, чтоб кто-то так тщательно мыл руки, как он. Долго и тщательней, чем хирург перед операцией.

В основном я занят на земляных работах, но имею право оторваться на несколько минут по своим делам. Это хорошо. На берегу небольшой речушки ребята наскочили на следы древнего поселения. Мобилизую свои скучные знания по археологии, пробую разобраться. Много фрагментов керамики. Разламываю отдельные. Ясно видны дресва и шамот. Изучаю орнамент. Сомнений нет – Киевская Русь. Древние мастера в глину, из которой лепили горшки, для крепости домешивали крупнозернистый речной песок – дресву и мелкобитую обожженную глиняную посуду шамот. Этот край входил в состав Чернигово-Северской земли. Поблизости здесь были княжество Брянское, княжество Вещицкое, но других крупных поселений по близости я не знаю.

Тщательно собираю наиболее интересные фрагменты. В Москве разберусь более тонко, проконсультируюсь у Б.А. Рыбакова. Возле нашей деревушки группа небольших курганов. Надо бы один из них раскопать, поинтересоваться. Но для раскопки нужно время, нужны люди. Ребята истфаковцы согласятся, я в этом не сомневаюсь.

Толкую с Семеновым. Он мнется, оторвать ребят от работы не решается. Наконец, после долгого раздумья, дает согласие, чтобы ребята работали над раскопками в нерабочее время. Спасибо. Это мы можем работать около часа в сутки. А для раскопок нужно хорошее освещение.

Раскопать хоть один из курганов нам не удалось. Поступил приказ переехать на другое место. Семенов остался на прежнем. Вероятно, он получил другую группу рабочих.

Теперь мы живем в большой колхозной конюшне. В стойле размещается по четыре человека. Кормят нас овсяной кашей. Ребята острят: совсем слошадились.

Август холодный. По утрам холодная роса напоминает изморозь. Мы пообносились, оборвались. Теплой, хотя бы осенней одежды ни у кого нет. Распалась обувь. Начались сплошные простудные заболевания, бывают дни, когда работает только половина, половина лежат, болеют.

Тяжело заболел Жора Кремзруков. У него высокая температура, бред, теряет сознание. Фельдшер предполагает какую-то ангину, названия я не запомнил, требуется хирургическое вмешательство. С большим, большим трудом добиваемся решения отправить Жору в Москву в больницу. Через день его увозят.

Медленно тянетсѧ время. Еще медленней движется вперед работа. Проходит около недели после отъезда Кремзукова. Придя на обед, вижу возле нашей конюшни большой московский автобус. Ребята сообщают, что приехал Лешка Саблуков.

Лешка был нашим ровесником и даже однокурсником. Высокий плотный блондин, со слегка курчавыми волосами, голубыми глазами, чудесный спортсмен. Лешка был очень застенчивым и скромным парнем. Учился он далеко неблестяще. Глубокой осенью 1940 года, когда началась советско-финская война, Лешка добровольцем ушел на фронт. Как отличного лыжника, его взяли. Был на Карельском перешейке, был хорошим солдатом. По окончанию войны в марте 1941 года он возвратился в Московский областной педагогический институт на свой литературный факультет. Товарищи его встретили восторженно. Жили мы в одном общежитии, с Лешкой были дружны.

Секретаря институтской комсомольской организации Костю Воробьеву забрали с института на учебу в высшую партийную школу при ЦК ВКП (б). партком рекомендовал на секретаря фронтовика Алексея Саблукова. Комсомольцы поддержали. Лешка был единогласно избран секретарем институтского комитета комсомола. Но просекретарствовал он недолго. Вскоре Лешка был избран секретарем Красногвардейского

райкома комсомола города Москвы, а весной уже работал секретарем Московского комитета комсомола.

Отправляя в Москву Жору Кремзрукова, наши литфаковцы передали им письмо Лешке. Жора сумел это письмо привезти в Москву и вручить Лешке. Письмо было откровением о нашем тяжелом состоянии. С нашим письмом Лешка немедленно отправился в Московский комитет партии, кажется, к самому первому секретарю МГК Александру Сергеевичу Щербакову. Немедленно были принятые меры. Из института физической культуры им. Сталина были забраны спортивные костюмы и обувь. Одновременно наши студенты, которые оставались в Москве и летом проходили программу четвертого курса, отперли наши комнаты. Обыскали наши чемоданы и корзины, собрали годную к носке одежду и обувь. Все было погружено в три больших автобуса и Лешка сам все повез нам. Мы получили роскошную одежду, толстые шерстяные свитера, особенно много было красных, плотные лыжные костюмы, майки, трусы и, главное, добротную обувь: ботинки для коньков и для лыж. Мне достались новые конькобежные ботинки без каблуков и лыжные брюки, чему я был очень рад. С Лешкой по душам поговорить не пришлось. Побыл он у нас часа полтора и уехал с автобусом обратно в Москву. Вполне понятно: война, у него работы очень много.

Эскорты и рвы. Ночи холодные. Несмотря на то, что нас одели, обули, количество больных увеличивается. Самолеты уже довольно длительное время нас не беспокоят. В конце августа фронт приблизился к нам. Вечерами и длинными темными ночами на западе, как зарницы вспыхивают далекие зарева. Иногда доносится пущечный гул.

Начался сентябрь. Начались занятия в школах, техникумах, институтах. На душе тоскливо. А фронт приближается. Грохот боя доносится до нас.

Утром 4 сентября радостное известие: после упорных боев наши части выбили немцев из города Ельни. Это первая победа Красной Армии за два с лишним месяца войны. Работаем неохотно. Зачем копать рвы? Наши части перешли в наступление и теперь погонят фашистов до самого Берлина.

Вечером еще одно радостное известие: собираются студентов выпускных курсов отзывать в Москву для окончания учебы. Стране нужны специалисты с высшим образованием.

3.

Шестого сентября грузовые машины доставили нас у Москву. Облик столицы сильно изменился. Мы с трудом представляем себе то, что стало уже явно. Дома грязные, камуфлированные. Окна частично забиты. Все стекла крест-накрест оклеены белыми бумажными полосками. Обочины тротуаров побелены известью. Ночью Москва не освещалась. Автомашины шли с погашенными огнями или немножко подсвечивали каким-то темно-синим цветом. Нам некогда было рассматривать по сторонам. Мы спешили в свое общежитие.

Нас встречали девушки, студентки исторического факультета, второкурсницы, ошибся, теперь уже третьекурсницы. Каникул в институте не было, все лето шли занятия. Наша комната, с которой мы ушли два с половиной месяца назад, теперь занята. В ней проживают девушки, наши однокурсницы. Мы без места. Идем в комнату девушек. Симпатий наших среди них нет, просто знакомые. Среди них Вита Зайцева, красивая, стройная, умная, подруга Бориса Штенберга. Он остался на Смоленщине, вместе с другими студентами младших курсов.

Засиживаемся до глубокой ночи. Новостей много. Состав студентов поредел. Старшекурсников физмата ребят почти полностью забрали в какое то метеорологическое военное училище. Многие ребята уже мобилизованы, другие выехали из Москвы. В первые же дни войны из Москвы выехал в свой Ленинакан Сурен Гюнашян, с ним вместе удрал Армен Даланян. Студентов-армян почти нет – все подались в Армению. Грузины тоже почти все ушли воевать. Ушел в армию талантливый аспирант, вчерашний студент Шота Чивадзе, где-то младшим политруком Коля Тегорайан. Нет Дениса Костюка. Он призван армию, проходит обучение в лагерях в Балашихе. По выходным дням туда можно съездить, повидаться.

Денис Костюк – белорус. Он старший лет на 5, кажется, 1912 года рождения. Его родные в первую мировую войну бежали от немцев, попали в донецкие степи, там и остались. Денис окончил четыре класса, был пастухом. Решил поехать в Москву, окончил рабфак. Знаний у него нет, или очень слабенькие, в науку он не вкидался. Еще на рабфаке слыгался с какой то москвичкой. Нам ее никогда не показывал, говорил, что страшно некрасивая, но добрая. Работает инспектором в Мосторге. Одевает, содержит Дениса. Как он сам говорил, он у нее и.о. мужа. Парень он был красивый: широкоплечий, стройный, среднего роста, лицо круглое, черты правильные, глаза голубые. По натуре добрый, ласковый,

вежливый, общительный. Коммунист. Немного увлекался философией, всегда чисто выбрит, в свежей рубахе, аккуратном сером костюме. Жил на стипендию. На третьем курсе его избрали председателем студенческого профкома института. Не любил своего имени и отчества. «Денис Захарович,- говорил он,- ругательно звучит». Просил называть его Борисом. Любил кружить голову девушки.

В 1941 г. он познакомился со студенткой первого курса Наташой. Он был мобилизован одним из первых. По воскресеньям и его жена, и Наташа ездили в Балашиху навещать его. Он назначал им свидания возле разных ворот лагеря в разное время. Вмешалась наша однокурсница Зина Селезнева, почему то мне напоминавшая, утку с длинным носом, далеко поставленными маленькими глазками. Особа неприятная. Родом она из Орехово-Зуева. С началом войны женила на себе Ваську Голунчикова, тоже нашего однокурсника, непризнанного поэта из Новосибирска родом, паренька довольно подлого. Ваську тоже мобилизовали. Он тоже находился в том же лагере, в Балашихе. Селезнева-Голунчикова двух посетительниц Костюка свела вместе, объяснила им все. Произошел скандал. Обе отказались от Дениса. Наташа в течении недели вышла замуж за коменданта общежития, инвалида с протезом ноги Соловьеву, а другая перестала посещать Костюка и тоже вышла замуж.

Было много других новостей. Москвичи уже пользовались карточной системой. За свои продуктовые карточки девушки соорудили нам шикарный, по тому времени, ужин. Засиделись допоздна. Девушки ушли ночевать к подругам, мы остались ночевать в их комнате, на их постелях. Какое было блаженство растянутся на свежем, надушенном постельном белье. Надо было два месяца провалиться в земле под открытым небом, на соломе в конюшнях и сарайях, чтобы понять, что такое свежая постель.

Дни и ночи напряженные, тревожные. Институт гоняют с места на место. В нашем основном здании разместились военные с первых дней войны. Институт был переведен в здание школы на бывшем Хитровом рынке, а теперь он где-то на окраине Москвы, в школьном здании по шоссе Энтузиастов. Ехать туда очень долго.

Усиленно читаются лекции. Нас выпустят досрочно, в середине октября. Прошли перевыборы институтского парткома. Секретарем остался Николай Иванович Ананьев. Партиком пополнился новыми членами. Ананьев возмущается доцентом Петром Андреевичем Зайончковским. Петр Андреевич доцент истории СССР, заочно окончил аспирантуру, работая слесарем. Защитил кандидатскую диссертацию о

Кирилло-Мефодиевском братстве. Большой энтузиаст по вовлечению студентов в научную работу. Из всех преподавателей исторического факультета он наиболее положительно вмешивается в работу студенческого научного кружка истории СССР, председателем президиума которого я работаю третий год. Он инициатор наших студенческих экскурсий в Загорск, в Архангельское, в Кусково и др. Он рекомендует ряд тем для исследования и помогает отдельным студентам устроиться работать в архивы. Под его влиянием поручили студентам второго курса Борису Штембергу и Владимиру Сорокину тему «Южно-российский рабочий союз». Оказывается, что дела «Южно-российского рабочего союза» так и лежали в архиве, опечатанные жандармскими печатями. Их никто не рассматривал, не наследовал, хотя пишут о Союзе довольно много. Инбергу и Сорокину просто везет. Но война оборвала их работу. После войны Борис Соловьевич Инберг окончил аспирантуру при МОПИ, защитил кандидатскую диссертацию, издал монографию о Южно-Российском рабочем Союзе. Доктор исторических наук Инберг специализировался на истории революционного движения в России в 70-80 гг. XIX в. О судьбе Сорокина не знаю ничего. Наш однокурсник Владимир Вишневский написал рецензию на книгу «Перекоп», вышедшую под редакцией наркома обороны маршала С.К. Тимошенко. С помощью профессора А.И. Гуковского ее удалось протолкнуть в «Военно-исторический журнал». Наш кружок провел обсуждение кинофильма «Суворов». С участием исполнителя заглавной роли артиста Черкасов-Сергеева. Были приглашены специалисты по истории из других институтов. Большое впечатление произвели выступления профессора Афанасьева, начальника кафедры военной истории двух академий, бывшего при царизме военного атташе ряда европейских стран. Обсуждением руководил я. Признаться, я чувствовал себя не в своей тарелке, сидя в президиуме среди крупных научных светил исторической науки в переполненном институтском Большом зале. Я работал над темой «Крестьянское восстание на Украине в 1768 г.». Декан факультета профессор Антон Иванович Козаченко обещал меня свести с его бывшим аспирантом киевским историком К. Густлыстым, который тоже работал над этой темой. Летом 1941 года я должен был побывать в архивах Ленинграда и Киева, исследовать «Кодненскую книгу».

Зайончковский, Козаченко, С.С. Дмитриев, А.И. Гуковский и др. готовили меня к научной работе. А.И. Козаченко мечтал, чтобы я вместе со сдачей государственного экзамена защитил и кандидатскую

диссертацию. Кандидатский минимум мне был бы зачен в процессе учебы на четвертом курсе. Не вышло. Война все оборвала.

Об П.А. Зайончковском я был очень высокого мнения и не понимал недовольства Ананьева. А тот возмущался, что П.А. Зайончковскому чуть не единственному коммунисту среди преподавателей кафедры истории СССР ранее предложили войти в состав институтского парткома, но он находил всякие причины, чтобы отказаться. Теперь, когда началась война, он охотно вошел в состав парткома и принял там большую активность. Ананьев обвинял его в карьерации.

Денис Костюк был в армии. Сильно поредело в институте. Поредел состав парткома. Сразу же по возвращению из Смоленщины мне предложили принять профком. На этом настаивал партком. Так совершенно неожиданно для себя я стал председателем институтского профкома.

Мария Майорова, студентка биофака, наша однокурсница, работавшая по совместительству секретарем профкома, передала мне печать и чековую книжку да списки членов профорганизации. Больше никаких документов в профкоме не было. Быстро оформили подписи для проведения финансовых операций в сберкассе. В сущности, работа профкома в те дни сводилась в оказании денежной помощи студентам.

Жить стало труднее. Ежедневно группы студентов получали повестки военкомата о призывае в армию. С повесткой студент приходил в профком, и мы выдавали ему несколько сот рублей для экипировки и проводов. Смета профкома быстро таяла.

Яша Зотов институтским партсобранием был принят в кандидаты в члены партии еще весной. Объявление войны, поездка на Смоленщину, задержали его на прием в райкоме партии. Теперь, сразу же он получил вызов в райком на собеседование и на бюро Красногвардейского райкома ВКП (б) его более расспрашивали о боях под Ельней. В середине сентября он был принят с кандидатов в члены ВКП (б).

Стал и я оформляться в кандидаты партии. Рекомендации мне охотно дали студенты-однокурсники мои, Семен Георгиевич Простов, член партии с 1917 года, в прошлом председатель Подольского городского Совета, Иван Дмитриевич Кириллин, член партии с 1924 года, в прошлом железнодорожник, машинист паровоза и доцент Петр Андреевич Зайончковский, член партии с 1932 года. Я мог бы получить рекомендацию комсомола. Секретарь комсомольского бюро нашего факультета Яша Зотов, секретарь комитета комсомола студентка истфака Мария Есакова убеждали меня, что процедура получения рекомендации

(решение бюро факультетской организации, общее собрание комсомольцев факультета, решение комитета института, решение бюро Красногвардейского райкома комсомола) займут много времени и проще взять рекомендацию у коммунистов. Я согласился с ними. Я единогласно был принят кандидатом в члены ВКП (б) общим собранием коммунистов института, парткомом. На 15 октября было назначено заседание бюро Красногвардейского Райкома ВКП (б), где среди других вопросов, стоял вопрос о моем принятии в партию. Но заседание бюро не состоялось. 15 октября 1941 г. Красногвардейский райком партии был уже в Свердловске, а я оставался в Москве.

Москва жила тревожно. В 7 часов вечера объявлялась воздушная тревога: немецкие самолеты бомбили Москву ежедневно. Радиорепродукторы не выключались. Как только начинала тревожно вить сирена, Андрей Салов открывал все тумбочки в нашей комнате, доставал все продукты и предлагал все съесть. Говорил: «Убьют, кому останется?». Ночи приходилось проводить на крыше общежития, чтобы обезвреживать зажигательные немецкие бомбы, которые сбрасывались на Москву тысячами еженочно. Вечером над Москвой поднимались сотни аэрростатов на стальных тросах. Всю ночь были зенитки, стояли зарева пожаров, висели немецкие осветительный бомбы, сильно освещавшие, помогавшие вражеским самолетам выбрать цель для бомбёжки. На крыше было холодно, неуютно, страшно. Но деваться было некуда. Девушки отправлялись в ближайшее бомбоубежище, ребята – на крышу. После бессонной ночи ехали на занятия в институт и безбожно спали на лекциях.

Вся Москва была в маскировке. Кремль окрашен в разные цвета, частично затянут сетками. Москва-река возле Кремля закрытая рогожами, совсем исчезла. На ней построены маскировочные фанерные и рогожевые домики. И это давало свои результаты – ни одна немецкая бомба в Кремль не попала. Правда, бомбы попали в здание ЦК ВКП (б) на площади Ногина, в здание московского университета на Моховой, был разбит памятник К.А. Тимирязеву, но утром уже стоял на своем месте полностью восстановленный. Восстановительные бригады работали очень оперативно. Разрушения в Москве от немецких бомбёжек были весьма значительными, хотя интенсивно работали зенитчики, бывали ночи, когда на каждую зенитку московского кольца обороны приходилось по 90 выстрелов. Фашистские самолеты к Москве прорывались и бомбили ее ежедневно. Налеты начинались в регулярно установленное время.

Мы получили свою комнату в общежитии. Жили вчетвером: Яша Зотов, Коля Надоров, Андрей Салов и я. Вскоре Коля Надоров получил повестку о призывае в армию. Призывали его и Виктора Никитина с литфака. По слухам их, обоих отличных спортсменов, направляли в батальон сибирских лыжников, который формировался под Москвой. Проводы Николая были очень скромными. Не было ни водки, ни вина. Достать их не было никакой возможности. Вечером в нашу комнату пришла Таня Лобанова, очень красивая, любовь Николая, к которой он боялся подступиться, а только вздыхал. Кажется, было две Марии, Майорова и Есакова. Мы посидели за столом, доели, что у нас было. Девушки ушли, а Коля даже за порог комнаты не вышел, чтобы наедине проститься с Таней.

Утром мы всей комнатой отправились на призывной пункт. Он помещался в школе имени Радищева на улице Радко. Там было многолюдно. Каждого призывника провожали родные и знакомые. Шум, слезно. За Колей плакать не было кому. Веря, где жили его мать и отчим, уже была захвачена немцами. Его отчим, верейский райвоенком, по слухах был в партизанском отряде. В буфете призывного пункта было пиво. Мы набрались его страшно, кружек по 6 на брата выпили и сами себя наказали. Поминутно кто-то из нас срывался с места и бежал на нижний этаж.

Наконец вызвали Николая. Мы простились с ним и втроем ушли. Койка призывника Николая оставалась свободной не долго. К нам перебрался Коля Абызов. Он на год был старше нас курсом. Весной окончил институт, был назначен на работу в г. Клин, но на работу не поехал (Клин уже был оккупирован), а остался проживать в общежитии. Это был тихий, спокойный, очень медлительный парень.

Частым гостем у нас бывал Кабанчук – однокурсник Абызова. Он окончил институт весной, по назначению не поехал. Нигде не работал, жил в институтском общежитии. Считая нас своими приятелями, откровенно делился своими планами сытого беззаботного житья. Нахально собирался забрать новое темно-синее драповое осеннее пальто Коли Надорова. Мы не дали. Стремился пристать в примы к Оксане Белоусовой, студентке второго курса истфака. Он знал, что ее родители эвакуировались из Москвы, а она осталась сама в своей квартире, чтобы окончить курс. Мы с трудом терпели Кабанчука.

С каждым днем положение становилось более тревожным. Мы сдавали экзамены за четвертый курс. Пока мы были в Смоленщине, оставшиеся в Москве студенты учились.

Срочно проходили сокращенную программу четвертого курса. А теперь отчитывались за четвертый курс. В сущности, мы лекций за четвертый курс не слушали по независящим от нас причинам. Экзамены за четвертый курс и госэкзамены от нас принимали формально: лишь бы мы что-либо говорили. Я говорю от нас, имея в виду тех, кто был на Смоленщине. К нам относились сочувственно, но не все.

Товарищи возмущались профессором Геннадием Евгеньевичем Жураковским, преподававшим историю педагогики. Он вслух не верил в злодеяния немцев. Говорил, что в период австро-немецкой оккупации Украины в 1918 году он проживал в Киеве, занятом немцами. Немцы вели себя прилично, как и подобает высококультурным людям. Этот тезис он повторял довольно часто. Все ждали, что Жураковского изолируют, как вредного элемента, как исчез из института нахальный немец студент Рудольф Шмидт, или студент Виктор Щеглов, родители которого были арестованы органами КГБ, и другие. С Жураковским это не случилось.

Через несколько лет после окончания войны в журнале «Большевик», органа ЦК партии, я встретил статью Жураковского, а там кто попало, не печатался.

На экзамене по западной литературе, который принимала доцент Протасова, красивая молодая женщина, любимая ученица профессора Эйхенгольца, получив вопросы, я сел обдумывать свой ответ и... уснул. Сказалось нервное напряжение, бессонные ночи. Меня растолкали товарищи, я пошел отвечать. Вероятно моя дремота возмутила экзаменатора. Она задала мне ряд дополнительных вопросов: «Вы не помните, что сказал патер Карлу Мобру?», - спросила она, когда отвечал с трагедии Фр. Шиллер «Разбойники». Да разве я мог помнить? Читал я эту трагедию еще, будучи, учеником 8 или 9 класса. Я не смог ответить. И последний вопрос: «Чего вы в таком состоянии явились на экзамен?», я ответил вопросом: «А что мне оставалось делать?». За мои ответы я получил оценку «удовлетворительно». Тройку получил я на экзамене по диалектическому материализму, где также не смог ответить на какую-то деталь. Остальные экзамены я сдал благополучно. Но две тройки были обидными. В моей зачетной книжке до этого не было ни одной тройки, редко были четверки, основная оценка была пять. Теперь тройки должны были появиться в моем дипломе.

Впрочем, оценки нас мало беспокоили. Кто с ними считался, когда уже четыре месяца шла война и конца ей не было видно. Шапкозакидательские настроения давно прошли. С каждым днем

становилось все более тревожно. Мы сами были возле фронта. С фронта приходили неутешительные вести.

Как мы радовались освобождению Ельни, считали, что это первая ласточка нашей победы. Но вскоре наши части оставили Ельню. Об этом не сообщало Совинформбюро, но сообщали, что фашистско-немецкие войска овладели городами, лежащими далеко на восток от Ельни. Значить Ельня была оставлена.

Как-то вечером к нам в комнату общежития зашел студент Коля Кудрявцев. Теперь он уже был не студент, а боец, вернее, если судить по его военной форме, политработник Красной Армии. Он по секрету поведал, что положение крайне тяжелое, Брянский фронт смят и прорван. Фашисты рвутся к Москве. Сам Кудрявцев в Москве был проездом. Просил нас не распространять тех сведений, которые нам уже известны, но которых нет в сводке Совинформбюро.

Через несколько лет, изучая историю Великой Отечественной войны стало ясно, что тогда, в октябрьские дни 1941 года положение Москвы, да и всей страны, было очень тяжелое. В начале сентября 1941 года Гитлер отдал директиву о наступлении на Москву. Для наступления на Москву была сосредоточена крупная группировка в составе 77 дивизий. В том числе 14 танковых и 8 мотострелковых или свыше 1 миллиона человек, свыше 1700 танков, 19450 орудий и минометов, около 950 самолетов.

Советские войска держали оборону на фронте протяженностью свыше 700 км и значительно уступали врагу в силах и средствах. На трех фронтах (Западном, Калининском, Брянском) насчитывалось около 800 тысяч человек, 770 танков, 9150 орудий и минометов, 364 самолета.

30 сентября 1941 года из района Глухов-Кропивницкий-Шостка начала наступление на Севск, Брянск, Орел, Тулу 2-я танковая группа Гудериана. 2-го октября перешли в наступление главные силы группы армии «Центр». На направлении основного удара превосходство сил противника дошло до 5-7 раз. Пали Спас-Демянск, Киров, Брянск. Наши войска отходили на Можайскую линию обороны.

10 октября командующим Западным фронтом был назначен Г.К. Жуков. Несмотря на героические усилия советской армии, удержать оборону на дальних подступах к Москве не удалось. Фашистские войска приближались к Москве. Над столицей нависла смертельная опасность.

13 октября состоялось собрание партийного актива столицы, которое приняло решение: Москву не сдавать. Коммунистам встать на защиту родного города. В течении двух-трех дней каждый район столицы должен сформировать батальон, вооружить его и направить на фронт.

В тот день в институте проходило направление нас на работу. Ни обычных слез, нареканий, споров, просьб, на было. Многие прекрасно понимали, что по направлению нам не работать. Нас, представителей мужского пола, ожидает призыв в армию, а девушки разъедутся по своим домам. Москвичек среди наших однокурсниц почти не было, а если были, то никто из них не собирался ехать по месту назначения. Мол война все спишет. На вопрос, куда меня направить, я ответил соглашением в любой населенный пункт Советского Союза. Комиссия посовещалась, и декан факультета профессор А.И. Козаченко объявил, что я направляюсь на работу в Приморский край. Я не возражал.

Вечером к нам зашла Мария Есакова. Была она студентка истфака, на курс моложе от нас. В институт приехала из г. Загорска уже кандидатом в члены партии. Очередной съезд ВКП (б) разрешил принимать в партию комсомольцев с 18 лет. Устав партии требовал, чтобы молодежь до 23 лет поступала в партию через комсомол, т.е. имела рекомендацию райкома комсомола. Мария в кандидаты партии поступала еще в средней школе. Когда секретаря нашей институтской комсомольской организации Лешку Саблукова избрали секретарем Красногвардейского райкома комсомола г. Москвы и было выставлено требование, чтобы секретарь институтской организации была девушка, партком на этот пост рекомендовал Марию. Была она средней студенткой, организационными способностями не выделялась, к порученной работе относилась добросовестно.

Мы единогласно избрали ее членом комитета комсомола, а комитет секретарем. Она тоже проживала в общежитии МОПИ.

Зашла она к Яше Зотову и мне. Наши товарищи по комнате Андрей Салов и Коля Абызов не были комсомольцами. Коля Абызов был кандидат в члены партии, Андрей Салов – беспартийный.

Мы вежливо предложили ей стул. Она села. Минутку помолчала, потом сказала: «Ну, хлопцы, пора! Послезавтра на призывающий пункт на улицу Радко. Да вам объяснять не надо». О решении Московского партийного актива она знала. Партийная и комсомольская организации работали весьма оперативно.

Я пишу эти строки в ноябре 1986 года, через сорок пять лет после описываемых мною событий. Пишу по памяти, не вел я тогда дневника, никаких записей. Теперь уже многое стерлось из памяти, перепутались отдельные события. Так сейчас, мне кажется, это распределение на работу проходило на следующий день после прихода к нам Марии Есаковой, что мы уже знали – завтра в армию и поэтому совершенно

безразлично отнеслись к тому, куда нас направят на работу. Да наиболее вероятно, что распределение прошло утром, после вечернего визита к нам Марии.

Решение было твердое – уходим в армию добровольно.

Я зашел в профком. Там, как всегда, была секретарь парткома Мария Майорова, студентка истфака, на курс моложе от нас, девушка с голубовато-зелеными глазами и темно-русymi волосами, в которых заметно прибавилось седины. Она свою седину объяснила неустойчивостью пигмента и еще, какими то биологическими особенностями. Была она материально малобеспечена и вынуждена была подрабатывать. Такой подработкой была должность секретаря профкома. Комитет профессионального союза работников просвещения Московского Областного Педагогического Института, где было свыше двух тысяч членов профсоюза, имел одного освобожденного работника, председателя профкома со ставкой, кажется, 400 руб. в месяц. Как правило, председателем профкома был студент. Так за годы моей учебы председатели профкома были студенты коммунисты Павел Карцев, его сменил Семен Георгиевич Простов, его сменил Денис Захарович Костюк, а Костюка я. Все студенты исторического факультета. Председатель профкома сам не мог совместить учебу с большим деловодством профкома и поэтому брал на помощь секретаря, которого оплачивал из своей ставки, и который вел техническую работу. Сам предпрофкома получал 250 руб., секретарю выплачивал 150 руб. Секретарь, как правило, был тоже членом профкома, обычно это была девушка студентка. Мария Майорова была добросовестной работницей. Говорили, что она симпатизировала Коли Надорову, но ничем это не проявлялось.

Я открыл сейф, достал печать и чековую книжку. До конца, сколько было в ней чеков, подписал все чеки, передал книжку и печать Марии. Я ей доверял и не сомневался, что все деньги из профсоюзного счета будут использованы по назначению, никакого злоупотребления она не допустит, себе не возьмет ни копейки. А на нашем счету еще оставалось свыше тридцати тысяч рублей.

Протянул ей руку, пожелал счастливо оставаться, умно распорядиться средствами профкома, сказал:

- Прощай, Маруся! Больше в жизни мы не встретимся.

И не встретились. Позже мне рассказали, что она в годы войны учитывала в школе в г. Муроме. Школа располагалась возле бывшего монастыря, в котором размещалось Муромское высшее училище связи. Я учился в этом училище с сентября 1942 по май 1943

года. Были рядом, но встретится нам не пришлось. Дальнейшей ее судьбы я не знаю.

Вечером состоялся наш прощальный ужин. Мы отоварили все наши продуктовые карточки. Понятно, ни водки, ни вина не было. Это был весьма скромный ужин, скромный, грустный, последний мирный ужин в Москве

4

Утром 14 октября 1941 г. Яша Зотов и я, заправив свои кровати, стали собираться. В портфель положили белье, личные вещи. С нами стал собираться Коля Абазов. Город Клин, куда он был направлен на работу, был захвачен гитлеровцами. Родом он был из Рязанской области, кажется из г. Касимова, но Рязанская область уже была оккупирована. Был ли оккупирован его родной город, он не знал.

Решил, что его место на фронте. Твердо заявил: «Ребята, я с вами!».

Андрей Салов (просто Сало) беспомощно смотрел на нас.

- Ребята, а мне нельзя? Я же не комсомолец. Возьмите меня с собой.

Яша Зотов, секретарь комсомольской организации исторического факультета, не задумываясь, ответил:

- Пошли, Андрей. В комсомол мы тебя примем. Ребята, - он обратился к нам, - рекомендации ему дадим? Я даю.

Мы поддержали Яшу. Андрей быстро собрался. Последний раз посмотрели на свою комнату, замкули ее и ушли.

Было холодное, сырое, туманное утро. Заметно было, что количество прохожих резко уменьшилось в сравнении с началом лета. Редко ходили трамваи. Легковых машин почти не было, чаще проходили грузовики с солдатами или военными грузами, покрытыми брезентом. Красноармейцы



Плакат "Вступай в ряды народного ополчения", СССР

несли, вернее, придерживали «аэростаты» воздушного заграждения. Мы спешили на улицу Радько в школу имени Радищева, где размещался призывной пункт Красногвардейского райвоенкомата г. Москвы.

Пришли. В здании было шумно. Военных не было видно, одни гражданские. Длинная очередь к столу, где записывали. За столом тоже гражданские. Запись проводил инструктор Красногвардейского райкома партии Владимир Ильич Смирнов. В очереди наши добрые знакомые, однокурсники литфакиавцы Миша Пуклин, Жора Кремзуков, Гаврик Перепелкин, Сова Мандель. Удивительно, но наших мопивцев, как сокращенно называли себя студенты МОПИ, нет. Только мы и небольшая группа студентов из литературного факультета. Их и нас записали в пулеметную роту и направили в школу в Малом Казарменском переулке, где формировался батальон добровольцев Красногвардейского и Кировского районов.

Кончилась мирная гражданская жизнь. Отныне мы бойцы второго отделения пулеметной роты батальона им. С.М. Кирова. Наши друзья из литературного факультета вошли в первое отделение нашей пулеметной роты. У них командир отделения сержант Алексей Соколов, токарь электрозводства, у нас командир отделения Дмитрий Гаврилович Никифоров, доцент кафедры марксизма-ленинизма нашего же МОПИ старший лейтенант по званию, штурман авиации. Командиром нашего взвода назначен младший лейтенант Алексей Разумовский. Мы не знаем его имени и отчества, знаем только звание младший лейтенант, фамилию Разумовский, рабочий, кажется слесарь.

Получили оружие. Нам выдают станковый пулемет системы Максим со станком Соколова. Очищаем его от складского густого масла, протираем. Пулемет старенький, времен гражданской войны, а возможно и раньше. Кожух пулемета гладкий, позднее выпускались кожухи гофрированные, для увеличения площади охлаждения, а у нашего гладкий. Характерный и номер пулемета. Легко запоминается: «А № 000001». Не помню количество нулей перед единицей. Пять или шесть.

Нас вооружают незнакомыми нам винтовками с длинными острыми тонкими штыками, напоминающие зубцы вил-тройчаток. Выдают по несколько патронов к этим винтовкам. Патроны с острыми пулями, зелеными капсюлями. Как заряжаются винтовки, никто не знает, не знаем даже, как открыть затвор. Кто-то говорит, что винтовки французские, времен гражданской войны в СССР. Очищаем винтовки от смазки.

В классную комнату, где разместилось наше отделение, кто-то входит и кричит: «Истфаковцы, вас ищут!». К нам заходит наш однокурсник Валерий Бавер. Он москвич. Отец работает главным бухгалтером какого-то очень

крупного московского завода. Валерий материально обеспечен, умный, развитый, острый на язык. Запомнились его шутки на занятиях по немецкому языку. Преподавательница вызывает студентку Шахолеву к доске.

- Schacholewa, koni tafel!

Та не расслышала, переспрашивает:

- Was, was?

Бавер моментально подсказывает:

- Schacylews, koni teufel ! - Что означает: «Шахолева, идите к черту!».

Он энергичен, влиятельный. Один из всего курса нашел нас, пришел попрощаться. Агитируем его остаться с нами, вступить добровольцем. Он чувствует себя неловко, говорит, что у него престарелые родители, а он единственный сын и обязан быть с ними. Прощается и уходит. Кто-то из рабочих бросает реплику:

- Кого вы агитировали? Он же еврей. Поедет, но не на Запад, а в Ташкент.

В Ташкент Бавер не поехал, а эвакуировался в Ижевск, где всю войну работал секретарем горкома комсомола. По возвращении в Москву работал завучем одной из московских школ, сдал кандидатский минимум, имел прочные связи с Академией педагогических наук.

Осенние дни короткие. Быстро темнеет. Вечером команда: "Взять оружие и личные вещи. Выходи на построение!"

Строимся повзводно. Мы в середине колонны. Выходим строем на Садовое кольцо. Совсем темно. Черное, черное небо. Темные громады домов, скорее всего, угадываются, чем видятся. Бордюры тротуаров побелены известью не на всем протяжении, а на поворотах. Нигде ни огонька. Москва затемнена. Каждый день, точно в 7 часов, объявляется воздушная тревога. Гудят фашистские самолеты. Осветительные ракеты зажигают окрестности мерцающим светом. Бьют зенитки. Пылают зарева пожаров. Бывали ночи, когда на каждое зенитное орудие в зоне обороны Москвы приходилось до 90 выстрелов. Но сегодня воздушная тревога еще не объявлена.

Длинной колонной идем по проезжей части Садового кольца. Изредка встречаются легковые машины с погашенными фарами, в узкие щели подфарников пробивается синий свет, немного освещая дорогу перед самой автомашиной. Стаемся держать ногу. Стихией зарождается песня:

"Дан приказ ему на Запад
Ей в другую сторону
Уходили комсомольцы....".

Неожиданно кто-то громко кричит: «Бить фашистов на войну». Все дружно подхватывают: «Бить фашистов на войну».

Идем долго, долго. Минуем Тимирязевку (сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева). Идем дальше-далше. Проходим речной вокзал. Наконец привал. Устраиваемся в землянках. Мы на месте. В нескольких сотнях метров от нас последняя остановка московского трамвая. Занимаем оборону. Становимся на защиту Москвы.

Мы. А кто же мы? Это батальон им. С.М.Кирова, который состоял из рабочих Красногвардейского и Кировского районов г. Москвы. Батальон сформирован не военкоматом, а райкомом партии из рабочих, студентов, служащих, офицеров запаса, коммунистов, комсомольцев, беспартийных. Если коммунисты и комсомольцы шли по подсказке райкомов партии и комсомола, шли первичными организациями в порядке комсомольской или партийной дисциплины, беспартийные шли по зову сердца, по велению совести.

В нашем батальоне студенты двух институтов: нашего, Московского областного педагогического и института физкультуры. Но студентов очень мало, до обидного мало. Из всего исторического факультета нас четверо, с литфака немного больше. Из других факультетов ни души. Правда, физмат еще раньше остался без юношей. Всех забрали. Многих мобилизовали с других факультетов, но многие еще в институте.

Большинство бойцов нашего батальона рабочие электрозводода и других предприятий, которые размещались в Красногвардейском и Кировском районах г. Москвы. Люди разных возрастов от цветущих, здоровых юношей до стариков, истощенных хроническими болезнями, худых, слабых. Медицинского осмотра нам никто не проводил, не было времени. Все здоровы. С возрастом, профессиями не считались. Всех зачисляли рядовыми. В те дни поэт Матусовский писал:

"Шли в Красную Армию москвичи,
Веселый и смелый народ.
Здесь были механики и врачи,
Ученый и счетовод.
Здесь были артисты, редактора,
Связисты и доктора.
Здесь были философы и певцы,
Курьера и мастера.
Москва посыпала лучших людей
На смертную битву встав,
От всех переулков и площадей
От главных своих застав".

Понятно, что тогда мы не про какие стихи не думали, не до поэзии было. Этот стих Матусовского мне встретился много лет позже. А тогда ...

Знакомились с командованием. Мы, бывшие студенты МОПИ, второе отделение, записаны в первый взвод пулеметной роты батальона им. С.М.Кирова, который вошел в состав Третьей Московской Коммунистической дивизии. Время существования 15 октября 1941 - 21 февраля 1942 года. Всего 139 дней из 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. А если быть точным, то в составе войск обороны Москвы, как Московская Коммунистическая дивизия, мы были до конца января 1942, а затем по приказу Верховного Главнокомандования были переброшены на Северо-западный фронт, и наша дивизия стала называться 130-й стрелковой.

Из Смоленщины в Москву студенты старших курсов вернулись 7 сентября 1941. Надо было продолжать учебу, вернее заканчивать, потому что стране, несмотря на войну, требовалось специалисты. Институт работал все лето. Часть студенток-комсомолок летом работали на сооружении оборонительных укреплений в Орловской области, остальные учились.

Москва была серой, мрачной. Кремль закамуфляженный, Москва-река спряталась под покрытие, на котором был построен соломенный городок, какие-то домики, сараи окрашены в яркие цвета. Это делалось, чтобы дезориентировать вражеских пилотов. Ночью город был затемнен. Многочисленные автомашины мигали подфарниками, откуда узкими полосками пробивался слабый мертвенно-синий свет. Кучи мешков с песком на тротуарах. Стекла в домах обклеены бумажными полосами накрест.

Из нашего замечательного помещения на Подсосенском переулке, 20 наш институт выселили. Помещение заняло военное ведомство, а институт перенесли в здание средней школы на Хитровом рынке. Очень тесно. Через несколько дней после нашего приезда институт и оттуда выселили и перевели в с. Карагарово, далеко от центра, по Рязанскому шоссе. Поместили его в помещении средней школы.

Значительно уменьшилось количество студентов. Старшекурсников, ребят с физико-математического факультета, почти поголовно забрали в военное метеорологическое училище. Из других курсов ребят почти ежедневно призывали в армию.

Командир взвода - младший лейтенант Разумовский, рабочий в прошлом, запасник.

Командир роты - младший лейтенант Прозоров. Молодой, кажется 1918 года рождения, сибиряк, родом из Новосибирска, с улицы Седова. Здоровяк. Участник боев на о. Хасан. Там был младшим командиром. Получил повышение в звании, стал офицером.

Политрук роты Алексей Александрович Шамшурин по званию старший батальонный комиссар. На петлицах три «шпальы», по нынешним званиям подполковник. Сотрудник или начальник отдела кадров Западной железной дороги, участник первой мировой и гражданской воен. В конце двадцатых годов секретарь Северокавказского обкома партии. Но об этом я узнаю от него самого несколькими неделями позже.

Старшиной роты - старшина Пилинцев, а помощником старшины - старший лейтенант, политрук Самойлов.

Командир нашего батальона - капитан Козаченко, комиссар - Барсуков. О них я ничего не знаю, знаю только фамилии.

Мы не регулярная армия и не народное ополчение, мы дивизия вооруженных трудящихся. Находимся на содержании г. Москвы.

Я не помню, кто командовал полком, в памяти фамилия Репин. Кажется, нашим полком командовал Репин, комиссаром полка был Краснов. С гордостью начальство говорило, что командующим нашей дивизии назначен личный друг первого секретаря Московского городского комитета, первого секретаря ЦК ВКП (б) и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП (б), депутата Верховного Совета СССР Александра Сергеевича Щербакова полковник Н.П. Анисимов. Комиссаром дивизии был полковой комиссар Лазарев. Какой из себя был наш комдив, не видел. Комиссара дивизии видел издали, но запомнился его рассказ, вернее рассказ о нем. Комиссар был категорическим противником матерной браны и требовал, чтобы не было ее в употреблении, но, говорил, что в отдельных случаях она допускается и даже необходима. Приводил пример из своей жизни. Работал он начальником на большой стройке. Строили кирпичную стену на высоту нескольких этажей. Плохо построили. В один из дней стена отошла от основного здания и начала медленно падать во двор. А во дворе было полно строителей. Он, Лазарев, закричал, чтобы разбежались со двора. Но никакого внимания. Рабочие продолжали заниматься своим делом. Тогда он матерно выругался, крепко выругался. Сразу все услышали - моментально выбежали со двора. Стена упала, но человеческих жертв не было.

Сведения наши о начальстве были весьма ограничены. Много ли солдат знать может? А мы были солдатами.

Кто же мы? Студенты и выпускники МОПИ во главе с преподавателем. Дмитрий Гаврилович Никифоров - доцент кафедры марксизма-ленинизма, преподаватель в МОПИ на учительском отделении, вернее в учительском институте при МОПИ. Знали его как строгого, требовательного преподавателя. С ним мы в институте никаких контактов не имели. Теперь он стал нашим отделенным командиром. Здесь и проявились его высокие

качества коммуниста и командира, человека в лучшем смысле этого слова. Он был нашим старшим товарищем, отцом. В трудные минуты у него находилась шутка, которая поднимала настроение всего отделения. Беспрокоился о каждом. Делил с нами все неприятности и редкие разговоры. Даже последнюю сигарету самосада делил на всех.

Позже нам стали выдавать

фронтовые сто грамм водки. Командир взвода младший

лейтенант Разумовский сам лично разносил водку по землянкам, но раздавал не днем, а в час-два ночи, когда наморенные за день, мы спали мертвым сном. Он будил каждого в частности, предлагал выпить. Многие отказывались от нее. Сон был дороже. Разумовский, закончив обход, допивал сам остатки водки, напивался до чертиков и начинал проводить тренировки. Он вваливался к нам в землянку и, заплетая языка, кричал: «К бою!». Все вскакивали, одевались, выстраивались с оружием и тогда он милостиво командовал: «Отставай!». Сон пропадал, ночь была испорчена, мы не отдыхали, как положено. Такиеочные тревоги он стал проводить очень часто, почти ежедневно. Никифоров не выдержал, сказал:

- Слушай, Разумовский, если ты в таком виде еще в нашу землянку явишься, я тебя арестую и отправлю в штаб.

Угроза была существенная. По занимаемой должности Никифоров был лишь командир отделения, но по званию куда выше. Разумовский был младший лейтенант, Никифоров - старший лейтенант. И Разумовский пошел на уступку: среди ночи вваливался в нашу землянку, где размещалось первое и наше, второе, отделения, и командовал:

- Первое отделение, к оружию! Второе не надо.

Разумеется, первое отделение с неохотой, очень медленно выполняло его команду. Ночные выпивки командира взвода нервировали бойцов и младших командиров. Боец нашего взвода по фамилии Царицын сказал: «Я его, черта пьяного, проучу. И проучил. Разумовский навеселе любил проверять посты. Раз он нарвался на Царицына, который ночью стоял на посту. Прекрасно понимая, кто перед ним, Царицын скомандовал:



Обучение добровольцев

- Стой! Кругом! Ложись! А было это в конце ноября, когда уже стояла лютая зима. Разумовский стал объяснять, что он комвзвода. Но Царицын был неумолим.

- Не знаю. Лежи. Двинешься, застрелю. Так и выдержал несколько часов на снегу своего командира. Больше Разумовский в таком виде тревоги не объявлял, постов не проверял.

С Никифоровым мы расстались в декабре. Его забрали на работу в ЦК ВКП (б). Больше о нем я не слышал ничего.

Наше второе подразделение состояло из 5 солдат. Самой заметной фигурой был Яша Зотов, Яков Трофимович Зотов, 1918 года рождения, кандидат в члены партии. Последний год он был секретарем комсомольской организации нашего исторического факультета. Высокий, стройный блондин с голубыми глазами. Яша был любимцем девушек. О «делах сердечных» он никогда ничего не рассказывал. Был он родом из Рязанской области, с Пителинского района, где в с. Нестерово его отец, старый коммунист, был директором спиртоводочного завода. В МОПИ Яша пришел вместе со своей одноклассницей, дочерью главного бухгалтера спиртзавода Валей Шишковой в 1937 году. Но в процессе обучения заболел, пришлось оставить институт и вернуться к нему через год. Валя продолжала учебу. Училась она на естественном факультете и весной 1941, закончив его, уехала в Нестерово.

Коля Абизов закончил истфакт МОПИ весной 1941 года. Он был хорошим товарищем, коммунистом, добросовестным, честным. Единственный недостаток - ужасно медленный и в делах, и в разговоре.

Андрей Салов, а по документам Андрей Шаповал, был родом с юга Ростовской области, из тех мест, где находился знаменитый совхоз «Гигант». Он был беспартийным. В обучении был средним студентом, ничем не выделялся. Среднего роста, темно русые, жесткие волосы не прилегали к голове, зачесывался «ежиком». Круглое разовое лицо было побито жидкими оспинками. Знали мы его мало. Если с Яшой Зотовым я жил в одной комнате общежития два с лишним года, то с Андреем Салом несколько месяцев.

Немножко особым был Валентин Носевич - студент первого курса литературного факультета. Был он годами самый молодой за нас. По национальности белорус. Его родные края уже стонали под фашистской оккупацией. Валентин влился в наше отделение на правах равных среди равных.

Пятым бойцом второго отделения был я.

Нашим ближайшим соседом было первое отделение пулеметной роты, состоявшее из выпускников литературного факультета МОПИ. С ребятами этого отделения мы были вместе на Смоленщине в июле-августе. И теперь

держались рядом, некоторое время жили в одной землянке. Командиром отделения был рабочий Алексей Соколов, а бойцами Миша Пуклин, Гаврик Перепелкин, Жора Крамзуков, Сева Мандель - все выпускники литфака. Кто был пятым, не помню. Миша и Гаврик писали стихи. Я читал их творения в стенной газете литфака. Физически крепкие, они легко переносили все трудности. Кажется, они были из Рязанской области.

Жора (Георгий) Кремзуков был москвичом. Высокий, толстый, страшно близорукий с продолговатым лицом, покрытым синими пятнами, немного неуклюжий. Жора был тонким целителем музыки и поэзии. Особенно любил стихи Пастернака. Ему было очень трудно. Физически слабый, болезненный он тяжело переносил все трудности.

Маленького роста, кругленький Сева Мандель был евреем, родом из Белоруссии, кажется, со Слопина. По документам он значился Евсей Мендель. Почему-то в своей фамилии он изменил букву «е» на «а», вероятно считал, что так звучит благороднее. Он был хорошим товарищем, лучшим другом Мишки Саблукова. Когда Сева шел в солдаты и зашел попрощаться к Леньке в МК ВЛКСМ, Ленька подарил ему небольшой пистолет системы «Вальтер». И сейчас, спустя 45 лет, ясно представляю его в короткой теплой куртке, ботинках или туфлях, в шапке ушанке с длинной французской винтовкой за плечами, пританцовывающего на посту возле землянки.

15 октября мы стояли у Химкинского речного вокзала. Мы не были непосредственными свидетелями московских событий. До нас доходили слухи о них. Правдивые они были или нет, мы, лишенные газет и радио, не могли проверить.

Что столица нашей Родины Москва попала в опасное положение, было ясно по камуфляжу, укрывшему русло реки Москвы, аэростатам воздушного заграждения, регулярными вечерними бомбардировками. По их регулярности и точности часы можно было проверять. Если из репродукторов доносился противный тревожный вой сирены, а потом слова диктора: «Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога! », - значит, было 7 часов вечера.

Были закрыты станции метро «Кировская», «Дзержинская». Поезда проходили их без остановок. Вестибюли других станций метро были завалены раскладушками и матрасами. Как только объявлялась воздушная тревога, станции метро заполнялись женщинами с детьми, стариками. Многие из них здесь и ночевали.

Товарищи коммунисты скрупулезно делились новостями, услышанными от доверенных лиц, имевших доступ к передачам, переданных закрытыми проводами. Эти передачи слушали в райкомах партии в кабинетах первых

секретарей. Восхищались смелыми выступлениями старого большевика, редактора журнала «Историк-марксист» Емельяна Ярославского. В своих выступлениях он приводил пример В.И. Ленина. Провожали бойцов на фронт, перед ними выступал Ленин, встречали, тоже Ленин выступал на митингах, на заводах и фабриках. А наше правительство что? Прогуливается под землей от станции «Кировской» до «Дзержинской».

В октябре началась эвакуация правительства из Москвы. Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР разместились в г. Куйбышеве. Центральный Комитет партии тоже перебрался куда-то. На 15 октября было назначено заседание бюро Красногвардейского райкома партии г. Москвы, где среди множества вопросов, включенных в повестку дня, был и мой вопрос. Меня должны были принимать в кандидаты в члены партии. Но 14 октября я был бойцом батальона им. Кирова, а Красногвардейский райком партии 15 октября был уже в г. Свердловске на Урале. Мое вступление в партию пришлось отложить на два, точнее, полтора года.

Эвакуация правительственные и партийных органов из Москвы панически воспринималась населением, а затем возникла страшная московская паника. Началась она во второй половине дня четырнадцатого и продолжалась пятнадцатого октября.

Говорили, что панику вызвал приказ директора Московского автозавода им. Сталина об освобождении пятидесяти тысяч рабочих. Так ли это было, не знаю. Думаю, что не так. Но факт остается фактом - паника возникла. Люди бросились выезжать и уходить из Москвы, громить и грабить магазины, учреждения, организации, тянуть все, что можно захватить, грузить на автомашины и бежать на них из Москвы. Власти растерялись. Только во второй половине дня пятнадцатого октября по радио с обращением к населению Москвы выступил Председатель Московского Городского Совета депутатов трудящихся Пронин. Он разъяснил действительное положение и призвал к порядку.

Тогда же на всех выездах и выходах из Москвы были выставлены военные заставы и патрули, дороги закрыты рогатками. Едет грузовая автомашина, нагруженная вещами: «Стоп! Предъявите эвакодокументы». Нет. Вещи вываливались в кювет. Шоферу с машиной - мобилизационное распоряжение. Мужчин, которые ехали без эваклистков мобилизовали в армию. Женщинам предлагали возвращаться назад, домой.

Нас интересовал наш институт. Рассказывали, что вслед за нами профессора и преподаватели МОПИ решили встать на защиту родной Москвы. Они записались в народное ополчение. В одной из школ г. Москвы их поставили на казарменное положение. Понятно, казарма не была

оборудована. На ночь пришлось укладываться на полу, без кроватей в нетопленных классах. Профессор Марк Давидович Ейхенгольц, старый, 60 лет, крупнейший специалист по французской литературе XIX века, в частности по творчеству Флобера, спросил:

- Кому это нравится? Достаточно, я иду домой. И пошел. Вслед за ним пошли все.

В Ейхенгольца мне учиться не пришлось. На литфаке он пользовался огромным авторитетом, и не только на литфаке, но и среди ученых филологов г. Москвы. Когда мы с Смоленщины вернулись в Москву, он встретился со мной и попросил меня подробно рассказать о наших археологических находках при строительстве оборонительных укреплений. Говорил, что Советское информационное бюро поручило ему написать для Соединенных Штатов Америки статью о научной работе советских студентов на войне или во время войны. Я рассказывал, а он, маленький, худощавый, седой с бритым, изрезанным глубокими морщинами, типичными чертами лицом, тщательно записывал. Не знаю, была написана и опубликована в США его статья. Марка Давидовича Ейхенгольца мне не пришлось больше видеть.

Наш областной педагогический институт должен был эвакуироваться. Выезжать из Москвы должны были с Казанского вокзала. Директор института В.Г. Алахвердян дал команду грузиться в товарные вагоны и ждать его. Троє суток профессора и преподаватели сидели на вокзале в вагонах, а от директора ни слуху, ни духу. Наконец из Горького или Казани пришла телеграмма с требованием выслать тридцать тысяч рублей в адрес директора и секретаря парторганизации института Н.И. Ананьева.

Вместо денежного перевода поехал Алексей Сабизков. Он уже был не в МК ВЛКСМ, а в комитете госбезопасности. Привез Ананьева и Алахвердяна. Их судили как дезертиров, исключили из партии. Директором МОПИ стал доцент кафедры марксизма-ленинизма (или преподаватель) Александр Георгиевич Колягин.

Много лет спустя, просматривая газету «Известия» список лиц, выдвинутых кандидатами для избрания в действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук СССР, я встретил фамилию Алахвердяна, выдвинутого по той же самой науке, которую он читал студентам МОПИ - политэкономии.

Нам жалко было Ананьева. Нет, ни его самого, а нашей им растоптанной веры в него, в партию. А мы считали его, чуть ли не идеалом. Коренастый, широкий, среднего роста с грубыми, но правильными чертами лица. Был Ананьев похож на рабочего. Сибиряк, участник партизанского движения в Сибири, участник боев за Волочаевку. Жена его тоже сибирячка, участник гражданской войны. В Сибири умерла зимой 1940 года. Похоронили в Москве.

Мои товарищи Трусов, Зотов предоставили Ананьеву значительную помощь в организации похорон. И тем еще ближе сошлись с ним. Детей, наверное, у него не было. В Московском Комитете партии Ананьев был на хорошем счету.

В декабре 1937 года, накануне выборов в Верховный Совет СССР, в Большом театре проходила встреча И.В. Сталина с избирателями. Председательствовал на этой встрече Ананьев. Рассказывал нам: вызвал его Н.С. Хрущев - тогда первый секретарь МК ВКП (б), спросил, не боится ли: «Большевики большевиков не боятся», - ответил ему Ананьев. Теперь, в дни тяжелых испытаний, он оказался не на высоте. Дальнейшей судьбы его я не знаю.

В дни московской паники многие руководители оказались не на высоте. Ходили слухи, что директор института геодезии бежал из Москвы, прихватив с собой все институтские запасы радия. Его поймали, радио вернули институту. Разные слухи ходили.

Наша часть или подразделение заняло позиции на охране Москвы. Мы не армия. Обмундировывает нас Москва. Ходим в черных куртках с «чертовой кожей» с подстегнутым мехом. На голове кубанка. Одетые шикарно. Питаляемся в столовой. Ездим туда трамваем. Никифоров иногда шутит: ручной гранатой легонько стучит по плечу гражданина, стоящего перед ним:

- Гражданин, на этой остановке вы сходитте?

Тот оглядывается, видит гранату, бросается в сторону.

Французские винтовки у нас забрали. Выдали нам наши русские трехлинейки системы Мосина образца 1893/30 года. Свои, знакомые. Их мы хорошо знали, хотя стрелять боевыми патронами не приходилось. Выдали матерчатые, весьма неудобные подсумки для патронов и патроны. Патронов много. Они упакованы в запаянные цинком коробки. В свободное время набиваем патронами пулеметные ленты. Машины для набивки лент несовершенны, часть их вышла из строя, не набив даже одной ленты. Приходится патрон вставлять в ленту руками, а потом добивать его деревянной калатайкой. Работа довольно скучная.

Изучаем станковый пулемет системы Максима. Хорошая машина, но очень тяжелая. Знакомимся с новой винтовкой СВТ - самозарядная винтовка Токарева, кажется того самого конструктора Токарева, автора пистолета ТТ (тульского Токарева). СВТ нам не нравится, сложный и не надежный, может подвести, отказать в бою. Дают нам незнакомые гранаты. Обращаться с ними не умеем. Так гранатой Семенова мы пользовались, как молотком, забивая им гвозди, совершенно не подозревая, что это ударная граната страшной силы, способная разорвать броню танка. С противотанковой гранатой мы знакомились на занятиях по военному делу в институте. Но как она действует

- не знали. А тут решили попробовать. Командир соседнего взвода лейтенант Белевков, на поле, где размещались наши землянки, дал заряженную взрывателем гранату бросить санитарке, своей сожительнице. Та размахнулась и бросила гранату в снежный сугроб, возле которого стояли бойцы. К счастью граната не взорвалась, иначе были бы человеческие жертвы. Утонула она в глубоком снегу. Очень меткий стрелок наш командир взвода Разумовский метров на 50-70 приказал нам отойти и расстрелял гранату из винтовки. Взрыв был солидный.

Ноябрь. Холодно. Глубокий снег. Наш батальон перебрасывают с места на место. Стоим на окраине Москвы. Химки, Ховрино, Лихоборг, Никольское. Живем то в землянках, заранее подготовленных, то в учреждениях, то в квартирах граждан, которые эвакуировались. Запомнилась одна квартира, где размещалось наше отделение. Огромная, хорошо обмебленная, комнаты с большими окнами, с хорошей надежной светомаскировкой. Все оставлено, сохраняется в полном порядке. Модный письменный стол, стопка чистой бумаги и стаканы с подструганными карандашами. Шкафы, наполненные книгами. Такое впечатление, что хозяева, а судя по книгам инженеры, только что куда-то вышли и с минуты на минуту вернутся.

Я взял из книжного шкафа том избранных произведений Чехова. Солидный том в синем ледериновом переплете. Читал сам, читали товарищи по отделению, взводу, роте. Зачитали до дыр. При всем кризисе на бумагу, когда курильщики даже письма родных рвали на сигареты, из книги Чехова никто не посмел вырвать ни одной страницы.

Заболел Валентин Носевич. Опух, осунулся, еле ноги передвигает. Не мог нести службы на уровне со всеми. Долго держался, а потом не выдержал, заявил: «Пойду проситься на кухню». Никифоров не советовал: «Ну, куда ты, Ваня, там с ромбами в очередь стоят».

С ромбами. Ромб на петлицах был знаком отличия высшего командного состава, начиная от командира бригады, который носил один ромб и до командующего армией, который носил четыре ромба. Правда уже были введены генеральские звания (генерал-майор, генерал лейтенант, генерал армии) и знаки различия генералов. Но старые звания носили еще многие.

В нашей дивизии со званиями не считались. Люди с высокими воинскими званиями, особенно нестроевые: юридической, административной и другими службами, были зачислены рядовыми и несли службу простых солдат. Время от времени поступала команда: «Бойцу такому-то взять личные вещи и в роту, или штаб батальона. В большинстве это означало, что названный товарищ назначен на какую-то высокую должность в нашей дивизии. Но многие оставались рядовыми или занимали должность несоответствующую званию.

В нашей роте, например, старшиной, был старшина Пчелинцев. Помощником старшины был политрук («три кубика») Соломонов, а капитенармусом был интендант первого ранга (четыре «шпаги» - полковник). По службе он подчинялся младшему командиру - старшине. Правда, нашего капитенармуса вскоре перевели куда-то на более высокую должность.

Часто в разговоре с товарищем удивляешься его отличному знанию военного дела или чего другого, а позже узнаешь, что он большой специалист у своей области знаний.

Стала выходить наша дивизионная многотиражка «На защиту Москвы». Каждый номер размером в 1/2 страницы газеты «Правды» открывался девизом: «Смерть немецким оккупантам» и предупреждением: «Из части не выносить! Прочти и передай товарищу». Среди сотрудников газеты был Л.Бычков, тогда кандидат исторических наук, окончил Московский институт истории, философии и литературы, считался очень талантливым молодым ученым. Часто попадались заметки под такой подписью: «красноармеец Войтинский, доктор экономических наук, действительный член Академии Наук СССР», а иногда другие: «доктор экономических наук, академик».

Куда там бедному Валентину Носевичу было пробиться на какую-то нестроевую службу? Действительно бедному. Отчислят, куда деваться? Беларусь полностью оккупирована. Институт эвакуировался из Москвы, денег ни копейки, продуктовых карточек нет. Однако Валентин как-то выжил, окончил институт, работал в Белоруссии директором средней школы. Из армии его отчислили.

Вместо Носевича в наше отделение неожиданно пришел Коля Надор, в первое отделение Виктор Никитин. Почему-то батальон сибирских лыжников не сложился, и они сумели добиться назначения в нашу часть. Дружеские объятия, общая радость.

Николай сразу же вошел в нашу жизнь как будто мы и не расставались. Нас связывает крепкая многолетняя дружба. Три года мы учились в одной группе. Два года жили в одной комнате, мирно, дружно, заботясь, друг о друге.

Яшу Зотова вечером (ноябрьские дни короткие) взяли в штаб батальона. Мы стоим в одном подмосковном селе, а штаб батальона в другом, в километре от нас. У меня есть свободное время, провожаю Яшу. Он задержался в штабе. Не хочу ждать, возвращаюсь назад. Идти приходится полем, избитым канавами.

В темном осеннем небе противно с характерным свистом гудят вражеские самолеты. Темноту прорезают тонкие лучи прожекторов, глухо гудят наши зенитки. Вдруг удар. Волной воздуха меня бросает в канаву. Вспышка, страшный грохот. Где-то по близости упала большая немецкая бомба.

Вылезаю из канавы. Еще минуту назад передо мной была улица, застроенная одноэтажными домиками. Домиков нет. Сооружений нет, заборов нет. Ни улиц, одни печи стоят, поднимая вверх кирпичные трубы. Кажется, все целы. Ни одна не развалилась. Бомба, очень велика, около тонны, сброшенная сюда случайно. Оборонных объектов здесь нет. Рабочий поселок, мирный, небольшой, оставленный эвакуированными жителями.

Возвращаюсь к товарищам, делясь своими впечатлениями от бомбежки: одна бомба и нет целой улицы, но печи стоят. Делаем вывод: при бомбардировке необходимо прижиматься к печи,крытие надежное.

Возвращается Яша. Его «сватали» на должность комсорга батальона. Говорит, что наотрез отказался покинуть отделение, да и не положено солдату занимать офицерскую должность. Яша остается с нами.

Приближаются Октябрьские праздники. Обстановка тревожная. Немцы рвутся в Москву, бомбят и среди бела дня. В Москве объявлено осадное положение. Правительство, ЦК Партии эвакуировалось из Москвы. Знаем - Сталин в Москве. Он никуда не уехал. Это вселяет надежду. Дежурим возле станкового пулемета в доте. Дежурим в доте по одному, другие в землянке.

В мое дежурство приходит ко мне Яша. Говорит:

- Пришла Валя Дорофеева, - рассказывает он, - ставит ультиматум: если женишься на мне, останусь с вами, не хочешь жениться, пойду в другой батальон. Что посоветуешь мне?

Не задумываясь, отвечаю: « В делах сердечных я не советчик, решай сам».

Валя Дорофеева наша однокурсница. Родом, кажется из города Клина. Высокая, стройная, с налитым большим бюстом. Темно русая, в косах, аккуратно уложенных венком на голове, немного курносая, с полными губами и большими немногим на вырезе карими глазами. Она откровенно, не скрывая, не таясь липла к Яше в течении трех лет совместного обучения. Теперь сумела попасть в наш полк. Что ей ответил Яша, я его не спрашивал. Валя осталась в нашем батальоне.

В первых числах ноября в наш взвод пришел Леша Саблуков. Он под большим секретом сообщил, что Сталин в Москве. А седьмого ноября на Красной площади в Москве состоится парад частей Красной Армии. Но он, Леша, на параде не будет. Он уже не Алексей Саблуков, а Пузанов - рабочий автозавода. Москва может быть сдана фашистам, готовится подполье. Он задействован в этой подготовке. Это был последний его приезд к нам. Больше с Алексеем Саблуковым - Пузановым я не виделся.

Торжественное собрание представителей трудящихся Москвы 6 ноября и парад на Красной площади состоялись. На заседании докладчиком был Сталин. Парад на Красной площади принимал Сталин. Воинские части с

парада отправились в бой или в лучшем случае на позиции. Наш полк участия в параде не принимал. Ведь мы еще не были регулярной частью Красной Армии. Правда, нас уже одели в гимнастерки и брюки, в шинели, в форму Красной Армии.

Доклад Сталина, его речь на параде на Красной площади произвели на нас колossalное впечатление. Впечатляющим был сам факт: парад состоялся, принимал его сам Верховный главнокомандующий. Фашисты не смогли сорвать парад. Ни один вражеский самолет не появился над Красной площадью. Правда, небо было затянуто тучами, шел снег, погода была нелетная.

Перечисление в докладе имен великих предков Плеханова, Ленина, упоминание примеров Александра Невского и Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова и других вызывало чувство национальной гордости не только русских по национальности, но и людей всех национальностей, входящих в СССР. Я - украинец, но никогда не отделял себя от исторического наследия великого русского народа, с которым мы связаны неразрывными братскими узами.

Слова «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», сказанные в то время, когда была оккупирована вся Украина, Молдова, Беларусь, Литва, Латвия, Эстония, Карелия (тогда союзная республика), Западные области Российской Федерации, когда в кольце блокады задыхался Ленинград, враг стоял у ворот Москвы, эти слова не звучали насмешкой, а зажигали, вселяли веру и надежду. Stalin был в Москве, мы были убеждены, что Москва не будет отдана врагу. Мы верили в нашу Родину.

Настало девятнадцатое ноября. Нас подняли задолго до рассвета. Приказали взять пулеметы и личное оружие, выходить строиться. Значит снова очередная тревога, учебная тревога, марш бросок с учебной целью. Тем более росла в этом уверенность: ничего не было сказано о личных вещах. Если бы нас перемещали в другое место, на другие позиции, было приказано взять личные вещи. На новые позиции мы всегда перемещались днем, а не ночью. А на дворе была темная, темная ночь.

Наскоро посовещавшись, мы надели на себя только шинели, хотя у каждого была новая ватная фуфайка, которую каждый надевал под шинель, чтобы теплее было. Никто не надел валенки, а обули ботинки. В ботинках легче на марше, чем в валенках. Через несколько минут мы были готовы к походу. Наше и первое отделение держались вместе. Дана команда двигаться вперед. Пошли. На Ленинградском шоссе нас ждали грузовые автомашины. Сколько их было - в темноте не сосчитать. Много. Быстро погрузили и уехали.

Ехали долго, долго. Промерзли до костей. Сами себя ругали, что оставили фуфайки и валенки. Приехали, в какой-то одноэтажный деревянный город. Это был Солнечногорск, районный центр Московской области. К северу от него по шоссе лежал город Клин Калининской области, уже захвачен врагом. Об этом мы знали из сводки Информбюро. Солнечногорск еще держался.

В центре города наши машины остановились. Приехали к месту назначения. Командовал нами незнакомый нам майор. До сих пор не могу понять, зачем было изменять боевые порядки. Наш пулемет «максим» А № 000001 был передан первому отделению. Отделение под командованием сержанта Соколова было, куда-то переведено. Наше отделение направили в ближайший двухэтажный деревянный дом. Сказали:

- Идите, обогревайтесь! Скоро понадобитесь.

В доме, разделенном большим коридором на две квартиры, как нам сказали, проживали первый Солнечногорский секретарь райкома партии и председатель райисполкома. Мужчин в квартире не было. Были только женщины и дети.

Мы обогревались, а наши товарищи из первого отделения уже лежали по городу в окопах.

Немцы наступали на Солнечногорск. Когда цепь фашистов поднялась во весь рост, Соколов скомандовал: «Огонь». За пулеметом лежал Жора Кремзуков. Намученный ночным путешествием, он уснул. Его растормошили, открыли огонь. Но цепь вражеской пехоты уже обошла наш пулеметный расчет. Он был вынужден отступить. Обо всем этом мы узнали позже.

Не помню, кто именно из бойцов первого отделения влетел в дом, где были мы и закричал: «Немцы в городе!». Размышлять было некогда. Мы выскочили из теплой квартиры. Под командованием младшего лейтенанта Разумовского открыли огонь по наступающим немцам. С тыла на нас шли три фашистские танки.

Разумовский скомандовал отойти на шоссе, которое проходило неподалеку, и насыпь его резко поднимался над окружающей равниной. На шоссе стояла наша грузовая автомашина. Возле нее суетился шофер. Лицо его мне показалось знакомым. А когда он предложил быстро грузиться, я узнал его. Это был тот самый шофер, который вывозил нас на Смоленщине, когда мы чуть не попали в окружение.

Это была вторая встреча с ним в экстремальных условиях.

Мы моментально бросили в кузов пулемет, который был закреплен за первым отделением, заняли места в кузове полуторки. Неизвестно откуда появился майор, командовал нами. Приказал не двигаться с места, ждать его.

Машина, которая стояла на шоссе была хорошей мишенью. По нам открыли огонь. Вдали показались танки, которые шли по полю к шоссе, к нам. Майор не появлялся. Когда танки приблизились, наша машина рванула вперед. Открыли задний борт кузова, за пулемет лег сам Разумовский. Он был чрезвычайно меткий стрелок: за двести метров он одиночным выстрелом из пулемета сбивал яблоко на заказ. Теперь он вел огонь по фашистам. По нас стреляли. От кузова летели щепки. Стекла автомашины были пробиты пулями в нескольких местах. Машина летела вперед по шоссе на предельной скорости.

Через несколько километров пришлось остановиться. Шоссе перерезал небольшой мост, даже не мост, а бетонный мостик. Около него стоял сторож в форме советского солдата. Как выяснилось из разговора с ним, мост заминирован, и он ждет команды подрывать его. На холодном, пронизывающем до костей ветру, часовой замерз, весь согнулся, руки спрятал в рукава, винтовку держал под мышкой. Вид у него был довольно жалкий. Это был парень лет семнадцати, не больше.

Наши товарищи объяснили ему, что за нами по шоссе движется враг, по полю идут немецкие танки. Мост ему необходимо подорвать и садиться с нами в автомашину. Но он категорически отказался, мол, нет приказа от начальства. Разумовский перешел на приказ, напомнил, что выполняется приказ последнего начальника. Часовой видимо не знал этого и ответил:

- Вас я не знаю, а ваш приказ исполнять я не буду. Прикажет мне мой командир, тогда исполню, - и он повернулся к нам спиной. Пожалуй, солдат молодой, с уставом Красной Армии не знаком. Убеждать его было бесполезно. Верный своему долгу, честный по отношению к службе, он не мог покинуть порученный ему пост.

На горизонте появились вражеские танки. Некогда было убеждать солдата. Мы оставили его погибать. Сами поехали дальше.

В ближайшем населенном пункте на середину шоссе вышел человек и поднял руку. Подъехав ближе, мы на его черных петлицах ясно увидели две звезды и эмблему. Перед нами был генерал-майор артиллерии.

- Стой! Что за люди?

Разумовский объяснил кто мы и откуда.

- Это что-то вроде ополченцев? Что же вы, - генерал грубо матерные выругался, - что же Вы два часа мудохаетесь, не даете мне обстрелять город. Два часа назад мне сообщили, что город оставлен, а я слышу, в городе идет бой, не могу обстрелять его. Тоже мне, вояки, - с заботой сказал он. Поезжайте дальше.

И мы поехали. Приехали к себе в часть. Вместе с командиром взвода нас было тринадцать. Это все, что осталось от первого и второго отделений, а с нами, в числе тринадцати и бойцы из других подразделений. В нашей машине было два ящика гранат. Гранаты были новые, нам не знакомы. Какой-то ехал с нами в машине студент Московского института физической культуры. Он объяснил нам, что это гранаты наступательного действия, но с надетой стальной «рубашкой» они становятся оборонительными. Как ими пользоваться, он также не знал.

Наше возвращение в часть было неожиданностью для командования. Нас уже списали, сняли с довольствия, в наших землянках поселили других бойцов. Было обидно до слез. Значит, нас посыпали на бой, рассчитывая, что никто из нас не вернется. Говорили, что в Солнечногорск нас послали восемьсот, а вернулось тринадцать. В гибели семисот восьмидесяти с лишним товарищей виноват предатель майор. Мы потеряли Колю Абызова и наш пулемет. Первое отделение потеряло командира отделения Соколова и Жоржа Кремзукова.

Куда делся Абызов, не помню. Страшно медленный, он куда-то вышел из квартиры в Солнечногорске и не вернулся.

Наш первый бой очень неудачный.

Нашим участием в бою заинтересовался особый отдел. Вызвали на допрос Разумовского. Спросили у него имя, отчество. Разумовский долго думал, а потом ответил: «Забыл». Он так был взволнован этим вызовом, что забыл собственное имя и отчество. А вообще отдел интересовался, почему мы вернулись живыми, куда делся майор. Я мало разбирался в тонкостях ведения войны, но само присутствие этой советской полевой жандармерии в части, которая носит имя коммунистической, я и мои товарищи считали оскорблением нашего человеческого достоинства. Да и после войны я ни от кого не слышал положительного отзыва о действиях особистов, которые позже именовались «смершевцами». В многочисленной художественной литературе об Отечественной войне их служба замалчивается. Разве только один Константин Симонов в своей трилогии рискнул показать действия майора из особого отдела далеко не с положительной стороны.

Ноябрьские сильные морозы сковали льдом московское море - Химкинское речное хранилище. В плане обороны Москвы оно учитывалось, как трудно проходной водный рубеж. Теперь это была гладкая равнина, покрытая толстым слоем льда, хорошей проходимостью для пехоты врага - уязвимое место в обороне столицы. Пространство между Ленинградским и Волоколамским шоссе оказалось не укрепленным, не защищенным нашими частями. А враг - у ворот Москвы.

Команда: «Взять пулеметы, оружие, личные вещи, выходи на построение». Выстроились. Марш по льду Химкинского речного хранилища. Пересекли его поперец. Вышли на правый берег. Перед нами с. Тушино, знаменитый Тушинский аэродром, на котором ежегодно 18 августа, в день авиации, проходили воздушные парады. Теперь это огромное чистое поле, покрытое полутораметровым слоем снега.

Мы разместились, в каком - то населенном пункте, названия которого так и не спросили ни у кого. Оборудовали для себя большую комнату. Забиваем одеялами окна - светомаскировка. Стоят кровати, много байковых одеял.

На поле аэродрома срочно сводится полоса укрепления. Роются окопы, оборудуются траншеи. Земля замерзла. Твердая, как гранит. Тысячи москвичей: женщины, старики долбят мерзлую землю ломами, лопатами. Труд непосильный. От удара ломом отскакивает несколько квадратных сантиметров мерзлого грунта. А земля промерзла глубоко, больше, чем на метр. Жгут костры, чтобы оттаять землю. По полю беспорядочно валяются бетонные колпаки с амбразурами. Работа движется страшно медленно.

Наш «Максим», новый, после утраченного в Солнечногорске, установлен в чистом поле, возле неглубокой ямы будущего дота. Дежурим у пулемета круглосуточно. Морозы очень сильные, за минус 30 градусов. В варежках коченеют руки, в валенках мерзнут ноги. А одели нас хорошо. У каждого шинель и фуфайка, шапка-ушанка и шерстяной подшлемник, ватные штаны,



Плакат "Разгромим фашистских налетчиков", СССР

не говоря о гимнастерках, брюках, нательном белье. Кроме валенок еще резиновые сапоги. В байковых портянках холодно. Рвем байковые одеяла на портянки. После ночи одеяла вытряхиваем, конечно, вдвоем. Тряхнем, и нет одеяла, есть две части. Как-то случилось так, что в поле, возле пулемета я остался на посту сам. Кажется, в тот день отзывали нашего командира отделения Д.Г. Никифорова. Не было смысла кандидата философских наук, доцента, старшего лейтенанта держать командиром отделения. Новый командир отделения еще не был назначен. По нашему общему согласию старшим среди нас признан всеми Яша Зотов.

От поста до нашего места жительства было далеко, больше километра. Хотя я был в фуфайке, в шинели, в ватных брюках, в валенках № 45 (я носил обувь 39 размера), ноги обмотаны половиной одеяла. Но замерз я основательно. Подшлемник был белый от инея, смерзались ресницы на глазах, нос приходилось прятать в подшлемник. А сменить меня на посту было некому, и мне пришлось отстоять несколько смен.

Наконец во второй половине дня меня сменили. Я уже не мог самостоятельно двигаться и мне помогли добраться до нашей казармы. Там было тепло. Горела печь-голландка. Меня раздели. Ноги в валенках сунули в печь и когда они оттаяли, помогли мне разуться. Налили стакан какой то жидкости. Я выпил и спросил: «Откуда такая слабая самогонка?»

Товарищи рассмеялись. Оказывается, мне налили чайный стакан чистого спирта. Я его залпом выпил и не понял, что пил. Кажется, я тогда даже не захмелел, хотя обычно я от 150 грамм водки уже пьянел. Никогда я так не замерзал, как в то дежурство. Но все закончилось благополучно, даже насморка не схватил.

Вскоре нас перевели в землянку, устроенную на аэродроме. Хорошую, капитально сооруженную землянку. К нам пришло пополнение: студент второго курса факультета иностранных языков нашего же института Орест Гроссман и мальчик лет пятнадцати Ваня Тельнов. Теперь наше отделение состояло из шести бойцов: Яша Зотов, Коля Надоров, Андрей Салов, Орест Гроссман, Ваня Тельнов и я.

Интернациональное отделение. Зотов и Тельнов - коренные русские из Рязанской области. Андрей Салов - потомок кубанских казаков, я - украинец, Гроссман - еврей. Происхождение Надорова было не ясным. Носил он фамилию своего отчима, русского. Брюнетка, его мать, была красивой женщиной. Ее портрет писал знаменитый художник Федор Малявин. По словам Николая, она была цыганкой, а он тоже сыном цыгана, усыновленный русским. Можно было бы согласиться, но глаза у Николая были светлые, голубые, не цыганские.

Дали, вернее, назначили, нам командиром отделения сержанта Бадуру. Был Бадура украинец. Рядовым служил, участвовал в военных действиях на Дальнем Востоке у озера Хасан, за что получил звание сержанта. Трудно ему было с нами. Очень трудно. Сказывалась разность в образовании: у большинства из нас было высшее, у него - начальное. Мы пришли из Москвы, он из глухого украинского села. Круг интересов у нас был различный.

С первых шагов он взял неверный тон, сугубо командный, тон приказа. Но самодурствующих солдафонов с трудом терпят подчиненные. Приказ инстинктивно вызывает протест, пускай скрытый, не выявленный, но протест, а особенно, когда он происходит от лица, не пользующегося уважением.

На вопрос: «Товарищ сержант, как вас зовут по имени, отчеству?», - он грубо отрезал:

- Никаких имен и отчеств. Товарищ сержант. Ясно?

Была у него слабость: водка. Регулярно нам выдавалось сто грамм водки в сутки, так называемые фронтовые сто грамм. Бабура отказывался пить свою порцию, просил кого-то из нас выпить его порцию, а за то в определенный день отдать ему свою. Так раз в неделю он получал семьсот грамм водки, выпивал залпом и чувствовал себя на верху блаженства. По нему было совершенно не заметно, что он выпил. Он не хмелел и никаких пьяных пошлостей не допускал. Но выпить любил.

С первых дней командования нами он авторитетно заявил:

- Высшее образование я из вас вышибу, будете у меня, как шелковые!

Но это оказалось не так просто. Мы жили одной семьей, он был среди нас чужаком. После первой попытки провести политподготовку, он навсегда отказался учить нас политике. Проводил изучение уставов и материальной части. Его поправляли. Его это бесило. Он кричал:

- Я как учи! Повторите!

А ему с издевкой советовали правильно прочесть устав или наставление. Советовали вежливо, тихо, но твердо. Когда Яша спросил его:

- Слушайте, сержант. На кой черт мы зубрим уставы и наставления, ползаем, тренируемся. Кому это нужно?

- Как на кой черт? Воевать будем!

- А вы где будете? С нами? Подумайте.

Сник Бабура. Ничего не ответил. А через несколько дней исчез.

Куда он девался, не знаю. Или его перевели в другое подразделение, или дезертировал. Больше мы его не видели и ничего не слышали о нем.

Снега, снега. Очень холодно. Наш пост - чистое поле. Вдали синеет сосновый лесок. Но до него очень далеко. Снежная земля изрыта колеями. Спешно возводятся доты. Вырывают яму, обкладывают ее досками,

горбылями. Натягивают сверху бетонный колпак с дыркой сбоку - амбразурой. Кое-как делают земляные ступеньки - спуск внутрь. Дверей у большинства нет, дырку завешивают брезентом. Устанавливают станковый пулемет. Дот готов.

А наш еще не готов. Яма вырыта, широкая и неглубокая, не с обрывистыми, а с пологими краями. Валяется бетонный колпак. Валяется, не установлен над ямой. Бесполезно, использовать его мы не можем. Возле ямы на снегу наш «Максим». Он залит смесью воды с глицерином, чтобы не замерзала вода. В пулемет заправлена лента с патронами. Несколько лент в специальных коробках лежат рядом. На посту дежурим, как правило, вдвоем. Холодно. В яме разводим небольшой костер. Чтобы ночью огонь не декламировал нас, яму накрываем брезентом. Брезенты валяются по всему полю, тяжелые, большие, грязные, пропитанные бензином. Еще недавно ими накрывали самолеты. А теперь самолетов и в помине нет. Да, в сущности, и аэродрома нет. Прилетел или приехал как-то начальник Главсевморпути Герой Советского Союза Мазурук. Не вытерпел - выматерился: «Такой аэродром и так испортили».

Яшу Зотова и меня на посту должны сменить Орест Гроссман и Ваня Тельнов. На пост они заступали впервые. Им надо было дежурить всю ночь. В нарушение устава караульной службы, мы дежурили не по два-четыре часа, а гораздо больше. До нашего жилья было около получаса хода. Если бы мы дежурили по два часа, разводному вообще отдыхать не пришлось бы. Никаких разводящих у нас не было. Была совесть - подошло время, отправляйся на пост.

Орест и Ваня пришли нас сменять вовремя, когда начало темнеть, наступили густые сумерки. Передавая пост, Яша был предельно краток:

- Пулеметные очереди слышите? Свет вражеских ракет видите? Будьте внимательны, очень внимательны.

- Яша, а когда что-либо случится, куда бежать? - перепуганным дрожащим голосом спросил Ваня.

- Как бежать? Принимать бой и сражаться до последнего патрона. Ясно?

- Ясно..., - вяло ответили Тельнов и Гроссман.

Мы ушли со спокойной совестью.

Время было крайне не спокойное, напряженное. Фашисты рвались к Москве. Были уверены, что Москва падет со дня на день. Пали Солнечногорск, Истра, Наро Фоминск (?). Бои шли в Кубинке, Сходине, Красной Поляне. Из Красной Поляны немецкие офицеры в бинокли рассматривали Москву. А в Москве объявлено военное положение. Продолжается эвакуация предприятий, заводов и фабрик, населения.

Эвакуировался наш институт. Нам выписали дипломы, и наши однокурсницы привезли и вручили их нам на передовой. На улицах Москвы баррикады, противотанковые «ежи» из сварных рельсов, окна магазинов закрыты мешками с песком. Все это нам рассказывают. Мы сами осадной Москвы не видели.

На одной из наших застав на шоссе ЧП (чрезвычайное происшествие). Застава закрыта рогаткой, служащей шлагбаумом. Возле нее часовые, тщательно проверяющие документы всех, кто едет в Москву и выезжает из нее, всех, кто проезжает по шоссе. У рогатки остановился тяжелый мотоцикл с коляской. За рулем красноармеец, в коляске старший лейтенант. Мотоцикл советской марки, солдат и офицер в форме советской.

Часовому что-то в предъявленных документах показалось непонятным или подозрительным. Он вызвал разводящего. Пришел разводящий в форме старшины. Ему тоже, что-то в документах показалось не ясным. Он предложил офицеру зайти в караульное помещение, несколько минут подождать, пока выяснят отдельные формальности. Тот согласился, зашел. В отделении было жарко натоплено. Офицеру предложили снять шинель, обогреться. Тот грубо категорически отказался. Его раздели. Под шинелью оказалась форма немецкого офицера. Немецкий шпион, едучи в Москву, не посчитал нужным даже снять форму гитлеровца, будучи уверенным, что часы Москвы уже сочтены. Говорили, что и офицер и солдат-водитель мотоцикла, прекрасно владели русским языком, говорили без всякого акцента. Стоит говорить о том, что они были арестованы и немедленно отконвоированы в штаб. Подобные примеры не единичны. Немецких шпионов и диверсантов ловили на улицах Москвы и ее пригородов.

Особенно тревожно было ночью. Черное небо над Москвой резали острые лучи прожекторов, освещали зарева пожаров и фосфорический свет немецких ракет. К западу, югу, северу от нас ракеты резали тьму, доносился гром орудийный выстрелов, пулеметные и автоматные очереди. Бой не затихал ни днем, ни ночью. Нервы наших бойцов были напряжены до крайности. А напряженные нервы, плохие союзники здравого смысла.

Ночь дежурства Гроссмана и Тельнова была очень темной. Ваня и Орест дежурили по очереди. Один танцевал у пулемета, именно танцевал на лютом холоде, с ноги на ногу, бил себя руками по бокам, другой сидел в яме возле костра, грелся. В покрытой брезентом яме было дымно, угарно, но теплее, чем на верху, у пулемета.

Этой ночью на грузовых машинах из Москвы привозили бетонные колпаки дотов и сгребали их возле выкопанных ям, оснований будущих укреплений. Одну из таких машин толи Ваня, толи Орест приняли за вражеский танк. В

ночной мгле можно было принять автомашину за танк. Кузова и кабины всех грузовых автомашин были окрашены в белый цвет для маскировки на фоне снега, а колпак дота, подымавшийся из кузова, легко можно было принять за башни танка, особенно, когда у страха глаза велики.

Ваня закричал:
- Тревога! Немецкие танки, - и стал длинными очередями бить из пулемета в сторону автомашины. Неуклюжий и медленный Орест выскочил из ямы и

бросился ему помочь. Но оступился, свалился на брезент и вместе с брезентом провалился на костер в яму. Пропитанный бензином и машинным маслом брезент вспыхнул, ярко освещая окрестности. Разобрав, что перед ним грузовик, Ваня прекратил огонь из пулемета. К счастью обошлось без человеческих жертв. У Ореста обгорел приклад винтовки, попавший в костер, обгорела шинель. Парни отделались страхом. Их не особенно ругали. Все же в критический момент они не бежали, а вступили в бой, пускай призрачный, но оборонительный.

Шестого декабря 1941г. части Западного фронта начали контрнаступление. Наш полк остался на прикрытии ближних подступов к Москве. Нашу роту разместили на Пушкинском аэродроме. Мы знали хорошо оборудования землянки. Политрук роты Алексей Александрович Шамшурин забрал меня из землянки второго отделения в свою, в которой он проживал вместе с командиром роты. В этой, прекрасно оборудованной землянке, построенной для аэродромного начальства, я стал третьим жильцом. Нарекли меня ротным писарем. В мои служебные обязанности входило ведение ротной канцелярии, ежедневная подготовка строевой записки для питания бойцов.

До сих пор не знаю, кто был ротным писарем до меня, кто после меня и есть ли такая должность в роте писарь. Необходимо было выдать основной документ бойца - красноармейскую книжку. Выписка красноармейских книжек была поручена мне. Когда я их всем выписал, мое писарство окончилось, и я с искренней радостью вернулся в свое второе отделения пулеметной роты.



Наступление красноармейцев под Москвой

Командиром нашей пулеметной роты был младший лейтенант Прозоров, здоровяк, пышущий здоровьем, с красивым лицом, маленькими глазками и пуговицей торчащим спереди круглого лица небольшим курносым носом. Его имя и отчество я забыл.

Помню только, что был он сибиряк, из Новосибирска, где его квартира была на улице Седова. Он на год моложе меня, 1918 года рождения, то есть, ему двадцать три года. В боях на озере Хасан он был младшим командиром, позже ему присвоили звание младшего лейтенанта.

По-моему должность командира роты его тяготила. Он был угрюмый, неразговорчивый, все молчал. О себе, о своих товарищах, о боях никогда ничего не говорил. Ни разу я не видел, чтобы он проводил совещание командиров взводов или посещал занятия бойцов. Не видел, чтобы он, что-либо читал, хотя бы газету. Он любил поесть, любил поспать.

Прошел слух: к командиру жена приехала. Возможно, она заходила к нам в командирскую землянку. Я не видел ее там. Днями я сидел в комнате, отведенной мне для выписки красноармейских книжек, и только к вечеру являлся в землянку, чтобы натопили ее и спать до утра. Совершенно случайно, проходя мимо пустой землянки, возле которой теперь стоял часовой, я увидел выходящую из землянки женщину, некрасивую, с широким морщинистым лицом, лет под сорок. Мне сказали, что это жена командира. Скорее в матери она годилась ему, а не в жены.

Поместил он ее в пустовавшую землянку, выставил возле землянки часового. Сам несколько суток пропадал в этой землянке. Потом «женя» куда-то исчезла и больше ее никто не вспоминал. Авторитета командиру этот приезд не добавил, а наоборот. Не пользовался он авторитетом у бойцов. Проживая в одной землянке, я мало общался с ним. Топились мы сухим дубовым паркетом, заготовленным для какого-то строительства на аэродроме. Я из сарайя приносил связку дощечек паркета и медленно, по



Пулеметный расчет в бою. Оборона Москвы

несколько штук сжигал их в печи. Он раз заявил, что так землянку не обогреешь. Набил полную печку паркетом и поджег, чтобы сгорел он сразу, а потом долго вымешивал угли. А можно было паркет не сжигать, дров было достаточно, но их надо было пилить, рубать, а паркет уже готов к топке.

Искренним уважением у товарищей и у меня пользовался политрук роты Алексей Александрович Шамшурина. Он был москвичом, крепким мужчиной лет пятидесяти, коммунист с большим стажем, занимавшим в прошлом высокие партийные посты вплоть до секретаря Северокавказского крайкома партии. Был участником первой империалистической и гражданской войн. Показывал шрамы от ран, полученные в борьбе с белыми.

Питались мы в ротной или батальонной столовой. Повар был в прошлом рабочим электрозвода, добровольно вызван на должность повара. Готовить пищу он не мог или не хотел. Кормил нас какой-то невкусной бурдой. Командир роты в столовую не ходил. Просил принести еду ему в землянку. Политрук всегда ходил в столовую сам. Повар наливал ему полный котелок. Шамшурина подходил к столу и с каким-то из бойцов менялся котелками: бойцу отдавал свой полный котелок, а взамен у него брал котелок с нормальной порцией пищи. Выяснялось, что у бойца пища намного хуже по качеству. Для начальства повар готовил одно, для бойцов другое. Повара отправляли на гауптвахту. Через несколько дней история с поваром повторялась.

Был повар молодым человеком, лет 23-25. Худощавый блондин. Наглец и пройдоха. Даже в условиях полевой жизни он умел установить связи с такими же, как сам мошенниками, каким сплавлял наворованные продукты. Как-то он мне сказал, что суп заправил 16 килограммами хлопкового масла, а на самом деле, если в котел попало грамм пятьсот, то это было уже хорошо. Остальное ушло на сторону. А с продуктами было очень, очень туго.

Под стать повару был и помощник старшины роты старший лейтенант Соломонов. Вероятно, между ними был полный контакт. Сейчас трудно сказать, почему я терпеть не мог Соломонова, а он относился ко мне хорошо. Изредка бывая в каптерки, я видел там столько добра, не нужного в нашей обстановке, представляющего значительные материальные ценности - предмет наживы для людей нечистых. Как говорят украинцы: «Кому війна, а кому коровка дійна».

Моя писарская служба продолжалась недолго. По своей натуре не подходил я на эту должность - не умел и не хотел угодывать начальству, рвался к своим товарищам.

ПАВЛОВО

Наступление началось 21 февраля 1942. Перед нами стояла задача овладеть узлом дорог значительным населенным пунктом Мостовица, районным центром тогда Ленинградской области. Но прежде мы должны были получить село Павлово. Наше пулеметное отделение должно было быть на стыке двух стрелковых рот, прикрывать их наступление пулеметным огнем.

На рассвете мы двинулись на Павлово. Наступать приходилось по ровному открытому полю, окруженном с двух сторон вековым лесом. Навстречу свистели пули, визжали вражеские мины и взрывались черным пламенем. Бойцы шли, не сгибаясь, в полный рост. Соленый пот заливал глаза. Лямки больно резали руки. По коленям били полы окоченевшей шинели. Ноги проваливались в сугробы снега. Снег был очень глубоким, до колен. Хотелось упасть в мягкий снег и хоть минуту, хоть полминуты отдохнуть. Впереди - безумная стрельба. То там, то рядом взрывалось черное пламя, раздавался грохот, рвались вражеские мины. Проваливаясь по пояс в снег, падая, поднимаясь и снова падая, бежали вперед товарищи. Никто не кричал, не ругался, не было слышно окриков командиров. Скрипел мерзлый снег. Мы выбивались из сил, таща свой пулемет, установленный на широкие лыжи. Но лыжи не помогали. В рыхлом снегу они проваливались и тормозили наше движение вперед. Мешали большие валенки, что замерзли и не сгибалась, ватные штаны, фуфайка, шинель, вещевой мешок, заброшенная за спину винтовка. Коробки с пулеметными лентами были невероятно тяжелыми, а их было по две на каждого. Не будь этого груза, мы двигались бы быстрее. А так пулемет и шесть бойцов, которые уцепились за него, были отличной мишенью для вражеских минометчиков. Легче пехоте - винтовка, ленты, наполненные патронами, свой вещевой мешок. Сам себе хозяин. Лыжи скрылись в снегу. Пулеметный станок, как тормоз. Впереди него накапливается сугроб, из которого едва выглядывает хобот пулемета. Мы вчетвером тянем его вперед, двое подпихивают сзади, а снег по пояс ... Наша задача огнем своего пулемета прикрыть стык первой и второй рот. Роты пошли вперед. На белой равнине, покрытой редкими кустиками ивняка, темнеют шинели убитых и раненых. Живые опередили нас и уже скрылись за бугром. Впереди замаячили траншеи, вырытые в снегу. Мы напрягли все силы и рванулись к ним. Несколько минут и мы под защитой снежных сугробов.

Под защитой ... Хотя бы одна дурная голова из шести наших подумала: кто для нас рыл траншеи в снегу под самым селом? Мы попали в западню. В узкой траншее пулемет нельзя было развернуть. Чтобы вести огонь, его надо было вынуть из траншеи, поставить на снег. А по нам били вражеские



Плакат, Германия

автоматчики - кукушки с высоких сосен. Трассирующие пули пролетали над нашими головами. Мы залегли. Автоматчики прижали нас. Вражеские пули стучали о щит пулемета, пробивая наши котелки, приторченные поверх вещевых мешков. Впереди усилилась стрельба. Слышалось: «Ура!», - слабовато. Едва слышно за взрывами мин и выстрелами. Наши наступали. А мы лежали, уткнувшись носами в снег, не имея возможности поддержать их огнем нашего пулемета. Вдруг Яша встал во весь рост, яростно выругался, схватил пулемет и стал тащить его из траншеи на снег. Вражеские

Через минуту поднялся. В моей шинели - дыра, в штанах - дыра. Засунул палец в дырку, что-то очень теплое. Выдернул палец, посмотрел - кровь. Здесь же, на снегу у пулемета Андрей принялся перевязывать меня. Одного индивидуального пакета не хватило, добавив своего.

До санчасти сам доберешься? - спросил Яша. Я утвердительно кивнул головой, мол, доберусь.

- Тогда ползи!

Я пополз, таща за собой винтовку. Полз долго, пока хватило сил. Отполз от своего пулемета, как мне казалось, очень далеко, но это только казалось. Прилег на снегу отдохнуть возле станкового пулемета соседей. Лежал к нему так близко, что отстрелянные гильзы из пулемета падали рядом со мной. Видел, как охватив голову двумя руками, в нескольких шагах от нас пробежал Андрей. Он был без шапки. Из-под пальцев текла кровь. Через несколько минут появился Коля. Я познал его.

- Ты куда? Что там?

- Плохо, очень плохо. Андрей ранен в голову. В Яши, кажется, перебита нога, Орест убит наповал, а я, - он показал окровавленную руку, - пойду, пристрелю командира роты. Он, сука, там, в кустах сидит, прячется, а затем в санчасть.

Командира роты младшего лейтенанта Прозорова в роте недолюбливали за его равнодушие ко всему, кроме своей собственной личности. Сержант участвовал в боях на озере Хасан, за что был повышен до младшего лейтенанта, но по всему остался сержантом-служакой, лихим к подчиненным. Воспитанные на примерах героизма красных командиров в годы гражданской войны, мы считали, что в бою командир должен быть с нами рядом, руководить нами. А тут бой уже шел, а командира никто не слышал и не видел. Я так и не узнал, осуществил ли Коля угрозу или нет.

Ушел Коля. Изредка пробегали раненые бойцы. Бой продолжался. Слышались выстрелы из винтовок, автоматные очереди. Вокруг рвались мины. Я наблюдал за своими соседями-пулеметчиками. Они не жалели патронов. От кожуха пулемета поднимался пар. И вдруг у меня на глазах, я это отчетливо видел, на короб пулемета опустилась мина. Яркая вспышка огня резнула глаза, гром. Я потерял сознание.

Пришел в себя, когда уже стемнело. Рядом со мной валялись изувеченные остатки пулемета и трупы пулеметчиков. Мне повезло, мина ударились в короб пулемета, а я лежал слишком близко и поэтому оказался в мертвом пространстве, недоступном для минных осколков. Огляделся. В лесу было пусто. Никого, ни души. Кое-где лежали трупы наших бойцов. Боя не было слышно. Попробовал встать на ноги. Удалось. Стал на раненую ногу. Стою.

Значит, кости целы. Вцепился двумя руками за штык винтовки и, опираясь на нее как на посох, направился в направлении санчасти. Не знаю, сколько времени я двигался. Когда дошел до первых палаток санчасти, было совсем темно. Случайно наткнулся на нашего врача Валю Дмитриевскую. Попросил помочь. Она покачала головой.

- Ты ходишь? Ступай в деревню. Вот так прямо в село километров два. Дойдешь! Видишь, у меня здесь несколько сот раненых на снегу лежит. К утру все они трупами станут.

Я поплелся в деревню. Шел долго, долго. Село, названия которого я так и не узнал, было переполнено ранеными. Все дома были забиты. На дворе трещал лютый мороз. Хотя я был обут в валенки, а на руках были шерстяные перчатки и меховые рукавицы, я не чувствовал ни рук, ни ног. Позже оказалось, что держась за штык, я отморозил пальцы на обеих руках.

В селе я не задержался. У меня забрали винтовку. Положили меня на широкие сани рядом с двумя тяжелоранеными. Крепко, как дрова, нас привязали веревками к саням и слабенькая лошадь повезла в ночь к какому-то селу.

Было совсем темно. Так и не знаю, случайная мина или снаряд взорвался вблизи наших саней. В село меня привезли без сознания и с разбитой головой. Мои спутники на санях были убиты. Мне только сорвало кожу над левым виском. Лицо было окровавленное, шапка полна крови, но я остался жив.

* * *

Теперь, спустя много лет, я осознаю, как преступно бездарно было организовано наше наступление. Конечно, рядовому бойцу-пулеметчику, каким был я, трудно было разобраться в событиях того времени. Информация у нас была очень скромной. Но и того, что я видел и слышал достаточно, чтобы прийти к определенному выводу.

Наш батальон им. Кирова был сформирован 14 октября 1941 из добровольцев рабочих, служащих, студентов Красногвардейского и Кировского районов г. Москвы. Московские батальоны были объединены в три полка московских рабочих. А те в свою очередь 21 октября были объединены в Северо-западную группу войск обороны столицы, а 26 октября превращены в Третью Московскую коммунистическую дивизию. Командиром дивизии был назначен личный друг первого секретаря МК, секретаря ЦК, начальника ПУРККА А.С. Щербакова полковник М.П.Анисимов, комиссаром - дивизионный комиссар Лазарев, соответственно командиром нашего Первого полка Московских рабочих был майор Кузнецов, комиссаром - полковой комиссар

Репин, командиром нашего батальона был капитан Козаченко, комиссаром Краснов. Нашей ротой командовал младший лейтенант Прозоров, политруком был старший батальонный комиссар А.А. Шаншулин. Такой командный состав сохранялся с конца октября 1941-го по 21 февраля 1942 г.

По окончанию битвы под Москвой нас превратили в регулярную часть Красной Армии. Отозвали людей с воинскими званиями, которые служили рядовыми или младшими командирами. Отобрали у нас меховые куртки, кубанки. Одели в шинели, шапки. Дивизия получила новое название, стала называться 130 стрелковая дивизия. В двадцатых числах января 1942-го мы погрузились в товарные вагоны и по Савской железной дороге двинулись на север. На станции Сонково наши поезда повернули на запад, на станцию Бологое. Высадились на каком-то полустанке и двинулись на запад по местности только что освобожденной от гитлеровцев. На обочинах дорог в кюветах валялась разбитая техника, трупы немецких солдат.

Идем день. Ночевать останавливаемся в каком-то селе. Мы со своим отделением останавливаемся на ночевку у какого-то деда, возрастом лет пятидесяти. Хата просторная с дощатым полом. Дед встречает нас радушно. Наваривает для нас чугун картошки, предлагает помыться в бане. Нас заедают вши. Помыться край надо. А дед невзначай говорит, что еще несколько дней назад в этой бане мылись немцы. Смотрим друг на друга. Мылись немцы. Нам противно. В одиночку, но все отказались от бани.

Утром некий крестьянин приводит нам гнедого коня.

- Возьмите! Может, нагрузите его чем. Лошадь ничейная. А вам понадобится. Благодарим. Но лошадь без доспехов. Недоуздок и того нет. К конскому хвосту пулемет не привяжешь. Но из каждого положения есть несколько выходов. Нашли выход и мы: свернули несколько раз плащ-палатку, завязали на концах, сойдет за шлейку. Сняли обмотки, связали: неплохие постремки. Привязали санки с пулеметом. Поехал пулемет. Нам легче.

Миновали город Осташков. Перед нами бескрайняя снежная равнина. Это озеро Селигер, скованное метровым льдом. Мы пошли направлением. На противоположном берегу длинная остановка, несколько дней. Ждем нашу артиллерию. Та не решились везти пушки по льду. Поехали в обход озера. Мы рады, у нас несколько дней отдыха от очень тяжелого похода.

Наконец узнаем, что мы переданы в состав Северо-западного фронта, входим в ударную группу генерала Пуркаева, непосредственно подчиненные генералу Ксенофонтову. В районе Старой Руссы нашими войсками окружена 16 немецкая армия. Их необходимо ликвидировать. Наша дивизия должна выйти в район Новая Русса - Молвотицы и там ликвидировать крупную

группировку противника. Готовимся к тяжелым боям. В нашей роте проходит партийно-комсомольское собрание. Выбираем парторга роты и его шестнадцать заместителей. Ничего удивительного, что шестнадцать. Начнем бои - будут потери.

Прибыла артиллерия. Пушки артиллеристы привезли на себе. Лошадей дорогой поели. Наш гнедой идет в артиллерию. Опять тянем пулемет на себе. Идем несколько дней.

Остановились в вековом лесу. Поражают своей красотой ели. Они высокие, с широкими ветвями. Ветки спустились на землю. Все засыпано снегом. Снег глубокий, ниже колен. Мороз больше тридцати градусов. Язвительный ветер пронизывает до костей. Разводить костер категорически запрещено: на дым посыплются вражеские мины, а гитлеровцы здесь, под боком. Кухни не работают. Та же причина - на дым посыплются вражеские мины. Получаем сухой паек, в основном хлеб. Но буханки смерзшиеся, не поддаются ни ножу, ни топору. Чтобы грызть с целой буханки, надо иметь очень крепкие зубы, а буханка на несколько человек. Из всякого положения есть выход. Где-то достали поперечную пилу, которой дрова пилият. Растигиваем плащ-палатку, пилим буханку на несколько кусков. Крышки делим на всех.

Приближается ночь. Где спать? В снегу на 30-ти градусном морозе, а то и проснешься ли? Приказали выделить специальный наряд, который бы следил, чтобы никто не спал, будил тех, кто задремал. Команда: «Не спать, можно замерзнуть». Проходит первая бессонная ночь. За ней день. Опять топтания на месте. Можно наломать еловых лап, присесть на них. Сразу бросает в дремоту. Привлекают к себе ели. Когда пробиться сквозь снег и подлезть под нижние ветви, окажешься в шатре. Под ногами хвоя, сверху ветви, засыпанные снегом. Сухо, уютно, теплее, чем на дворе и ... опасно. Заснешь, не проснешься. Дни и ночи на палящем морозе, без горячей пищи, без хотя бы кружки кипятка. Сначала ходили злые. Дальше уже не было сил злиться.

Сколько дней, сколько ночей продолжались эти пытки бессонницей, не помню. Вылетели они из памяти. Невольно возникает вопрос: кому и зачем это нужно? Нельзя ли было найти лучшего решения? И, что странно, я не видел никого из командиров. Исчезли куда-то. Только 20 февраля пришел политрук нашей роты А.А. Шамшурина. Предлагал обменяться с ним: дать ему винтовку, а взамен взять его наган. Мы жаловались на невыносимые условия. Он, улыбаясь, советовал подождать, скоро, мол, все закончится.

До рассвета 21 февраля нас повели завтракать в некий населенный пункт. Дымились походные кухни. Впервые за эти дни мы получили горячую пищу, внутренне согрелись. Значит, можно было накормить теплым, не мучить

холодом и голодом. Когда рассвело, двинулись в наступление на Павлово. Под вражеским огнем не сгибались. Безразлично смотрели на взрывы вражеских мин. Шли в наступление отупевшими, равнодушными ко всему. Смерти не боялись: убьют, закончатся муки, ранят, в госпитале хуже не будет, чем здесь.

Мы не задумывались над тем, почему наступаем днем, по открытому полю, хотя наступление надо бы было начать до рассвета. По темному подошли к вражеским позициям. Во всяком случае, мы тогда не были бы такими яркими мишенями для вражеских стрелков. Не задумывались, почему наступаем полем, когда в нескольких шагах лес подходит к самому селу, а в лесу мы не так заметны.

Много позже командир дивизии полковник М.П.Анисимов в своих воспоминаниях напишет, что была проведена артиллерийская подготовка, но мы ни одного пушечного выстрела не слышали. Слышали только минометы и то не наши, а вражеские.

Мы понесли тяжелые потери. От раненых бойцов слышал, что одним из первых был убит наш политрук Шамшурина, который поднял роту в атаку. Был тяжело ранен командир полка майор Кузнецов. Его подобрали бойцы и вместе с другими ранеными отнесли и положили в хлев или сарай, который стоял в центре поля боя. Гитлеровцы стали подходить к этому хлеву. Выручать раненого комполка бросился с группой бойцов комиссар полка Репин. Его тоже ранили и положили в тот же хлев. Немцы подожгли хлев. Командир и комиссар полка с ранеными бойцами сгорели заживо.

Убитым и раненым не было счету. В этот день, 21 февраля, наше отделение полностью выбыло из строя. Не лучше было и в других. Говорили, что за неделю в дивизии осталось в строю несколько человек, не тысяч, сотен, десятков, а именно лишь несколько человек. Это говорили. Сам я проверить этого не мог.

ДОРОФЕЕВО

Наша подвода остановилась среди незнакомого села. Извозчик закоченевшими пальцами едва развязал веревки.

- Вставай! Приехали!, толкнул он меня, - а этих можно было и не везти. Уже готовы.

Он достучался в ближайшую хату. Помог мне туда войти. Видимо вид у меня был очень страшен. Хозяйка дома только руками всплеснула. Вместе с детьми помогли мне сбросить шинель, обмыли окровавленную голову. Рана

оказалась не страшной. Над левым виском была глубокая рассеченная кожа, кости черепа были невредимы. Правда, в голове очень гудело.

Уже утром я познакомился со своими соседями, ранеными бойцами. Все они были из нашей дивизии, рядовые, лишь один был офицер. Он назывался лейтенантом Чирковым. Из разговоров выяснилось, что он родной брат известного популярного актера Бориса Чиркова, очень известного по кинофильму «Чапаев» и особенно по трилогии о Максиме, где он играл главную роль.

Лейтенант Чирков был добрым, компанейским человеком. Возраст чуть старше меня, кажется рабочий одного из московских заводов. Мы вместе лежали в крестьянском доме несколько дней. Хозяева куда-то ходили, получали на нас продукты, кормили нас. Так делали все, потому что деревня была переполнена ранеными. В каждой комнате лежало по несколько человек. А вот медицинской помощи нам никто не подавал, никто из медиков в наш дом не заглядывал. Раны болели, гнили, повязки давно промокли, в комнате стоял тяжелый смрад. Через хозяев дома мы ежедневно просили, чтобы нас посетил врач. Никто не шел.

Чирков подружился с хозяйственными детьми, мальчиком и девочкой, лет девяти, десяти. Расспросил, есть ли у них санки. Оказалось есть. Тогда он попросил помочь одеться, а ребят попросил покатать его на санках по селу. Те охотно согласились.

Он вернулся домой часа через два. Рассказал, что госпиталь разместился в нескольких селах. В нашем селе нет ни операционной, ни перевязочной, они в соседнем селе. После долгих поисков ему удалось встретиться с политруком госпиталя, поговорить с ним. От него узнал, что идут жестокие кровавые бои. Количество раненых уже превысило две тысячи человек. А госпиталь рассчитан на 60 раненых. Медицинский персонал разрывается, сбился с ног. У него голова кругом идет, не знает, что делать. Пообещал, как только кто из врачей появится, направит в наше село. Нет, он специально вызовет врача в наше село и направит к той хате, где мы лежим.

С трудом мы дождались врача. Был уже вечер, когда она зашла в нашу комнату. Сняла шинель. Начала осматривать раненых. Мы лежали покатом на глиняном полу, покрытом тонким слоем смятой грязной соломы. Осматривала быстро. Дольше всех задержалась возле меня. Оторвала окровавленного бинта, осторожно холодными пальцами ощупала мою ногу, посмотрела на меня.

- Положение у вас серьезное. Надо немедленно в операционную. Я пришлю за вами машину, - пожелала нам не кашлять, попрощалась и ушла.

В памяти сохранилось название села, где мы лежали. Было это село Дорофеево, вблизи Молвотицы. Село небольшое, типичная русская деревня с десятком домов. Операционная находилась в соседнем селе километров за шесть-семь от нас.

Стемнело. Зажгли светильник - большую гильзу, наполненную бензином с тонким фитилем - светильник военного времени. Не столько света, как копоти. Скучно и медленно тянулись часы. Товарищи по несчастью, также раненые, как и я, спали. Тот хралел так, что прыгал огонь коптилки, другой мучительно стонал, третий скрипел во сне зубами. Невыносимо ныла рана. Я не мог заснуть. Из головы не выходили слова врача - нужно немедленно расчистить мою рану, иначе беда будет. Не верилось, что она забыла обо мне. Я ждал. Очень медленно тянулось время.

Далеко за полночь кто-то широко открыл дверь нашего дома. Волна холода поползла по полу, быстро забираясь в угол. Когда холодный пар спал, я увидел, возле двери стояло двое в фуфайках.

- Кого здесь везти? - спросил один из них. Что-то знакомое слышалось в его голосе, где я слышал его раньше?

- Меня, - сказал я, - меня нужно везти, - и начал натягивать на себя шинель. Они подошли ко мне. Тусклый огонь коптилки осветил их лица. Я пристально всматривался в них. Неужели он? Да, я не ошибся. Ниже других был тот шофер, старый знакомый, о котором я не знал ничего, ни имени, ни фамилии, ни воинской части, в которой служил. Но это был он, тот самый, кто на своей полуторке вывозил нас из окружения на Смоленщине, под сплошным огнем вывозил нас с Солнечногорска. Чем-то близким и родным тянуло от него.

Шоферы помогли мне дошкандыбать к автомобилю, бросили меня в кузов, где наповал лежали несколько раненых. В снежной выюге я успел разглядеть несколько автомашин впереди нашей.

Неужели столько раненых везут в операционную? - спрашивал я сам в себя. Загудели моторы. Валка машин тронулась. Дорога была препаскудной. Нас трясло, бросало из одного угла кузова в другой. Сильно болели раны. Мы стонали, матерились, кричали, просили везти осторожнее. Прошел час, второй. Колючий холод пронизывал до костей. Уже не было сил ни ругаться, ни кричать. А машины без остановки гнали вперед.

Светало. По сторонам дороги мелькали пожарища. На том месте, где были села, стояли закопченные трубы, разрушенные печища. Хат не было, лишь руины. В кюветах валялись разбитые автомашины, трупы. Я ничего этого не видел, потому что лежал и не в силах был встать взглянуть за борт. Слушал короткие реплики солдат, сидящих в кузове.

Приехали в какое-то село, где еще было несколько домов. Автомашины стояли. Шоферы сбежались вместе, что-то посоветовались. К нам подошел наш шофер.

- Вот что, ребята. Замерзли вы. Надо обогреться. Идите, погрейтесь - дорога не близкая. Мы подождем вас, - он открыл задний борт кузова, помог мне слезть на дорогу. Перед нами был большой двухэтажный дом из кирпича. На нижнем этаже окна были высажены вместе с рамами. На верхнем - можно было угадывать признаки жизни. Шофер довел меня к лестнице и легонько толкнул вперед.

- Грейся. Через час поедем дальше.

Больше я его не видел. Это была моя третья и последняя встреча с ним.

ГЛАЗУНЫ

По выщербленной, обледенелой лестнице, держась обеими руками за слабенькие поручни, я едва вскарабкался вверх, на второй этаж. В огромной комнате все стены были покрыты грубым слоем инея, снега, льда. Тусклый свет пробивался через несколько выбитых оконных стекол. Окна были заткнутые и завешены школьными географическими картами. В прошлом это был класс, школьный класс. Но на парты и намека не было. Посреди комнаты на нескольких кирпичах стояла металлическая бочка, видимо из-под бензина. Сбоку в ней была выбурлена большая дыра, в середине остаток нескольких недогоревших углей. На полу лежал утоптанный снег. Здесь нагреешься. Холод такой же, как и во дворе, но уютнее, чем в кузове автомашины.

В углу за бочкой, лежала какая-то большая куча лохмотья. Возле него, переступая с ноги на ногу, спрятав руки в рукав шинели, стоял часовой красноармеец. Это были пленные обмороженные немцы. Жалкий вид имели эти покорители Европы. Одетые в грязное, разнообразное лохмотья, в надвинутых на голову пилотках, из под которых выглядывали кончики носов и давно не бритые подбородки. Ни один из них не подал ни звука, ни шевельнулся. Сколько их было? Пожалуй, шесть или семь. Вот они враги, виновники наших бед. Мы должны глубоко, страшно ненавидеть их. Но не было, ни чувства ненависти, ни чувства жалости к этой куче грязи. Нас сковывало равнодушие. Тупое равнодушие. Никто из нас не приблизился к пленным, не поинтересовался ними. Мы ждали, пока нас повезут дальше. Прошел час, два. Где-то журчали и затихали автомашины. Те, кто мог ходить, пошли к машинам подгонять шоферов быстрее ехать. Давно прошло время завтрака, шло обеденное время. Болела рана, хотелось есть.

Вернулся один из ходячих.

- Братцы, беда! Здесь был госпиталь. Раненых положили на наши машины и уехали. Ни госпиталя, ни машин нет.

- К сожалению это была правда. Полевой госпиталь эвакуировался на тех машинах, которые привезли нас сюда. Эвакуировался полностью. Нас оставили на произвол. Через несколько часов, уже под вечер, приехала подвода. Забрали пленных немцев и увезли. С ними пошел и тот, кто мог ходить. Остались лишь лежащие и среди них я. Положение наше было отчаянное: ранены, голодные до утра мы могли замерзнуть. Товарищи стонали, бредили, матерились, плакали, кричали, но что-то сделать были бессильны. Когда совсем стемнело, к нам пришли два солдата в грязных фуфайках, без оружия.

- Из госпиталя?

- С какого к черту госпиталя? Госпиталь теперь уже далеко - в Жуковке

- А мы где?

- Когда-то это село называлось Глазуны, а теперь только пепелище ... К утру, вы здесь замерзнете. Надо перебираться в теплую комнату. Пошли с нами.

Несколько раненых пробовали встать. Но и несколько шагов ступить не смогли, с грохотом падали на пол.

Кто они были эти два солдата? Отсталые от своей части, или дезертиры, не знаю. Но это были добросердечные русские люди, которые по своей доброй воле вынесли нас из холодного школьного помещения, приняли и положили в одну из уцелевших в селе домов. Где-то добыли дров, растопили печь, принесли воды, поделились с нами своими очень скромными запасами съестного, каждому отсыпали по спичечном коробку пшена. Это было меньше, чем по столовой ложке, потому коробочку насыпали доверху. Каждый из нас варил себе кашу. В котелок, а у кого не было, в консервную металлическую банку высыпали свои порции пшена, наливали водой, подсовывали ближе к огню, чтобы нагрелся. Соли не было ни пучки, хлеба - ни крошки. Эта спичечная коробка пшена была для нас завтраком, обедом, ужином. Невкусная, противная, но в какой степени утоляла голод.

Наши спасатели солдаты, куда-то исчезли. В большой крестьянской печи догорали дрова. Отблески огня освещали закопченные стены. Стояла мертвая тишина. Нигде не шелохнется, не слышно собачьего лая. Видимо здесь не было ни души, кроме нас. Товарищи уснули. Мне не спалось: болела рана, болела душа. Еще вчера врач предупредила, что мне нужна срочная хирургическая обработка раны. А я беспомощный валяюсь, в каких-то сожженных, разрушенных Глазунах. Для пленных врагов нашелся транспорт,

их отсюда вывезли. Нас, советских граждан, бойцов Коммунистической дивизии, оставили замерзать в полуразрушенной школе.

В полночь под нашим домом остановилась автомашина, в комнату зашли два красноармейца.

- Есть кто живой?

Я отозвался. Они спросили, где госпиталь. Я сказал: «В Жуковке». В ответ услышал трехэтажный мат.

- Чего ругаешься?

- Да мы же через Жуковку ехали, - и опять ругань.

Наконец расспросил, что случилось. В их части чистили пулемет, а разрядить его забыли. Случайный выстрел и пуля перебила две ноги красноармейца, который стоял поблизости. Теперь везут его в госпиталь. Я спросил, есть ли в машине место, чтобы забрать в госпиталь и меня. Оказалось есть. Они положили меня рядом с раненым и увезли.

Наутро я был в большом, мало разрушенном селе Жуковке.

Позже я несколько раз в ходячих раненых спрашивал, не привезли кого из Глазунов. Ответа не получил.

ЖУКОВКА. ПЕНО.

По сути, первую обработку раны мне сделали в Жуковке. Врач или медсестра, кто их разберет, разрезала промокшую, вонючую повязку, осмотрела рану и только головой покачала. Я сжал зубы и терпел. Терпел, кажется долго, пока она колупалась в моей ноге. Из раны вытаскивали грубые нити от шинели, вату от фуфайки и еще разную грязь.

- Тебе повезло, молодой человек. Ранения в мягкие ткани. Две дырочки, одна три на четыре, вторая пятнадцать на шесть сантиметров. Заживет, вскоре будешь прыгать.

Однако это вскоре очень затянулось. Возможно потому, что ранен я был 21 февраля, медицинскую помощь получил лишь в начале марта, или по каким иным причинам, рана моя не заживала полгода.

Вся Жуковка была переполнена ранеными. Это было большое село, лежащее между Останковым и Пено. Сторона лесная. Дерева хватает. Дома деревянные, на высоком срубе. Вход в дом с улицы. Надо преодолеть 10-12 ступенек, попадешь в широкие сени. Налево вход в жилую комнату, где хозяева живут. В той комнате русская печь, к ней плотно прилегающие нары, где спит семья, у порога лаз в погреб, который размещается в срубе и который служит фундаментом. Направо комната чистая - для гостей, а прямо

из сеней попадаешь на вожжи, где хранится сено - корма для скота, а из них по лестнице можно опуститься в хлев к корове или иной скотине.

Меня положили в «чистой» комнате. Положили на деревянном полу, покрытом толстым слоем соломы. Там вповалку лежали еще несколько человек. Кормили, перевязывали. В комнате было относительно тепло.

Шел март. Лютые февральские морозы остались по заду.

Все было чужое. Ни одного знакомого человека. Мои соседи, такие же ранены, как и я, были заняты своими болями. Иногда к нам заходили ходячие раненые, приносили последние новости «солдатского телеграфа». Странное явление тот «солдатский телеграф». Приносили солдаты новости друг другу, часто сугубо секретного содержания, о которых могли знать только высокие командиры, а солдаты раньше их знали. Именно по этому «телеграфу» я узнал о гибели Шамшурина, Кузнецова, Репина, о страшных потерях нашей дивизии в боях 21-28 февраля под Павловом и Смидорово, о том, что идут тяжелые бои в районе Демянска, Старой Руссы ...

Шли дни. Я почувствовал себя крепче, опираясь на палку, мог пройти по комнате из угла в угол. Утром по «солдатскому телеграфу» услышал, что сегодня во второй половине дня санитарный поезд формируется в Пено для выезда в Москву. Я собрал свой скучный скарб: шинель, фуфайку и полевую сумку, с которой я не расставался, и выполз на улицу. Благо наш дом стоял на пути. Вскоре удалось остановить грузовик с ранеными, который шел в Пено. Меня бросили в кузов. Поехали.

-Куда, братцы?

- В Осташков. Оттуда идет эшелон на Москву ...

А вдруг это правда? Что я буду делать в Пено?

Наша машина мчалась вперед.

Приехали в Пено, на железнодорожную станцию. По дороге я видел только одноэтажные деревянные рубленые дома. Больше в Пено я не успел ничего разглядеть.



Письмо готовое к отправке, 1944 г.

Наш «телеграф» не подвел. На пути стоял эшелон грузовых вагонов, куда грузили раненых. Это были обычные товарные вагоны, на которых когда-то писали: «40 человек, 8 лошадей». Беда была в том, что из вагонов никаких ступенек не было, а от пути к двери очень высоко. Я доставал руками, но поднять свое тело, а тем более ногу, чтобы влезть в вагон, у меня не было сил. Я просил помочь мне, но никто и пальцем не пошевелил. А вагоны загружались. Каждый спешил захватить удобное место для себя. Близок локоть да не укусишь. Вот он вагон рядом, а не влезешь. Хоть плачь, и на слезы никто внимания не обратит. А в вагон попасть край надо. Обойдя весь эшелон, нигде не упросив, чтобы меня бросили в вагон, я подошел к одному вагону, вцепился в пол посреди открытых дверей. Нашлись добрые души: одни подсадили, другие втянули меня в переполненный вагон. Оглянулся: все места заняты, на них лежат и сидят. В вагоне не только сесть, стоять негде. Кто-то командовал:

- Не пускайте больше ни одной души! Засовывайте дверь!

Тяжелые двери со скрежетом засунулись. Начали размещаться, кто, где мог. Послышалось, что кто-то меня зовет. Действительно, со второй полки окликали меня. Я поднял глаза. Там сидел наш ротный повар.

Не любил я этого человека. Был он рабочим электрозавода. Возраст моих лет, худой, белокурый, некий скользкий, как улитка. Пишу, он варил очень не вкусной и какую-то противную. Подозревали, что пока стояли в Подмосковье, он воровал продукты из кухни и продавал. Поймать не удалось. Вместе с нами питались командир роты, политрук. Им, конечно, повар насыпал лучшее. Командир роты забирал себе. Политрук подходил к ближайшему столу и просил, кого-то из бойцов обменяться с ним котелками. Обмен производился. Повар на несколько суток отправлялся на «губу» под арест. Эта история повторялась бесконечно. Память у него была хорошая. Он знал всех бойцов нашей роты. Не было ничего удивительного в том, что он узнал меня.

Мне помогли залезть на второй этаж нар. Я втиснулся между поваром и незнакомым бойцом. Повар похвастался, что у него раздроблена левая рука и показал мне замотанную бинтами руку, которую держал на перевязке. Рассказал, что в дивизии почти никого не осталось. А в нашем полку - ни души. Когда погибли командир и комиссар полка, начальник штаба собрал всех телефонистов, поваров, писарей и сам повел их всех в наступление. Погиб сам, погибли и они. Только ему, повару, удалось остаться живым.

Двери вагона были закрыты. В железной печке, стоявшей посреди вагона, развели огонь. Пошло животворящее тепло. Начали бойцы сбрасывать шинели. Стемнело. С нетерпением ожидали отправки поезда. Эшелон был давно сформирован, но почему-то не отправляли.

Загрохотали зенитки. Яркий свет врывался во все щели вагона, взрывы потрясли и поколебали вагон. Гитлеровцы начали очередную бомбардировку станции Пено. Быстро открылись обе двери. Раненые выссыпали из вагона на пути. Куда они бежали, я не знаю. Без посторонней помощи слезеть с нар я не мог, а вылезти из вагона тем более. В вагоне остался я один. Все разбежались. Время от времени вспышки освещали все стены. Содрогалась земля, тряслось вагон. Внизу сутились, какие-то тени. Я натянул на себя шинель и с замиранием сердца ждал, когда рядом взорвётся бомба и разнесет в пух и прах вагон и меня.

Закончилась бомбардировка. Прошло почти полчаса, прежде, чем стали возвращаться в вагон. Правда, повар и два, три раненых вернулись раньше. Они подбирали на полу вагона какие-то вещи, пакеты, прятали их по углам. Если до бомбардировки в нашем вагоне было больше пятидесяти человек, то вернулось человек пятнадцать. Они говорили, что на путях горят вагоны, склады. Наш эшелон целый. Невредим.

Часа через два зазвенели тормоза. Наш эшелон тихонько покатился вперед в направлении станции Бологое.

Путь в Москву был трудным. Наш поезд двигался ночью. Днем стояли на каком-то незначительном полустанке. За сутки доехали до Бологое.

Первого утра какие-то два чумазые солдаты принесли нам в вагон сухой паек: по два сухаря на человека. Никаких санитаров в вагоне не было. На полустанках, где поезд стоял долго, ходячие высакивали и возвращались с разбитыми жердями или решетками. Тем и топили нашу единственную на вагон железную печку. Не было воды. Набирали в котелки снега, топили его на печке и потом пили эту невкусно грязную бурду. Она не удавляла жажды. Умываться не умывались. Не стоило на такую роскошь переводить воду.

Страшно чесалось тело. Заедали вши. Один из раненых решил сам сделать себе перевязку. Когда он размотал бинт на раненой руке, около раны была сплошная серая масса, которая шевелилась. То были вши, сидели они так густо, что тела под ними было не видно. Несмотря на очень скучной сухой паек, едой мы наслаждались. Когда в Пено началась бомбардировка станции, повар и его товарищи, выскочив из вагона, не побежали в поле, а стали рыскать по станционных путях. В стороне они обнаружили склад продуктов, накрытый брезентом, который охранял один часовой. Дали часовому трофейные часы, а он позволил тащить им из состава все, что заблагорассудится. Они набрали колбасы, фасованного масла, конфет, хлеба. Это они были тенями, мерцающими по вагону во время бомбёжки. Теперь они щедро делились съедобным с лежащими.

Дорога в Москву растянулась на четверо суток. В нескольких километрах от Москвы повар набил продуктами свой вещевой мешок, попрощался со мной, сказал, что ему оттуда домой ближе, и исчез.

Позже до меня дошло, что был он не раненым, а попросту бежал с фронта, дезертировал.

Москва. Вместе с товарищами я оставил ее в ночь на 17 октября, всего пять месяцев назад. Какая она теперь, после того, как врага отбросили далеко от столицы? Увидеть мне не удалось. Наш санитарный поезд подошел к перрону Ярославецкого вокзала днем. На нас уже ждали санитары с носилками, машины. Во всем чувствовался строгий порядок. Быстро разгрузили поезд. Раненых собирали в одном из залов вокзала, посортировали по видам ранений, стали развозить по госпиталям.

Я попал в госпиталь, который размещался в гостинице «Северная». Сначала санобработка. Когда меня стригли, я посмотрел в зеркало на себя. Из зеркала выглядело какое-то привидение: худой, заросший с лицом черного цвета. Я или не я? Ногтями поцарапал по лицу. Из-под царапин просматривалась белая кожа, ясно определялись белые полосы на лице цвета голенищ кирзовых сапог. Не умывался почти месяц. После стрижки - баня, перевязка. В палате почувствовал себя на верху блаженства: высокие никелированные кровати, мягкий матрас, пухлые подушки, чистые накрахмаленные простыни, свежий приятный воздух. Первую ночь заснул, как убитый.

Питал радужные надежды лечиться в Москве, встретиться со знакомыми, которые, возможно, еще были в Москве. Но Москва оказалась пересадочным пунктом.

Через день санитарный поезд, теперь оборудован пассажирскими вагонами, вез меня вглубь страны. Наступала весна 1942 года.

В августе 1942 года после выздоровления в госпитале я был направлен в Муромское военное училище связи, как человек с высшим образованием.

Война продолжалась.....

Содержание

Я искренне рад	Макаровец Н. А.	3
Жизнь солдата (от составителей)		
Карась А.В., Сереженко Е.М.		5
Война. Записки солдата		
Сереженко М.И.		7
Павлово		59
Дорофеево		65
Глазуны		68
Жуковка. Пено		70
Содержание		75

Сереженко М.Г. Війна. Записки солдата / Відділ культури і туризму Кролевецької районної державної адміністрації Сумської області, Україна; Кролевецький районний краєзнавчий музей; А. В. Карась, О. М. Сереженко (упорядники). – Кролевець, 2010. – 76 с. Російська мова.

Сереженко Михаил Игнатьевич Война. Записки солдата

Составители: Карась Анатолий Владимирович
Сереженко Елена Михайловна

Компьютерный набор – Сереженко Елена Михайловна

Художественное оформление – Карась Анатолий Владимирович

Кролевецкий районный краеведческий музей: muzeu@i.ua



Підписано до друку 15.04.2010 р.

Формат 60x84/16. Папір офсетний.

Гарнітура Times New Roman. Друк офсетний.
Тираж 300 прим. Заказ № 2030.

Віддруковано в ТО "Шостинська міська друкарня"
41100 м. Шостка, вул. К.Маркса, 69.